

ВАЛЕНТИН БАДРАК

ЧИСТИЛИЩЕ

Книга вторая
Тысяча звуков тишины
(SATTVA)

CF FOLIO

Валентин Бадрак

**Чистилище. Книга 2. Тысяча
звуков тишины (Sattva)**

«Фолио»

2014

Бадрак В. В.

Чистилище. Книга 2. Тысяча звуков тишины (Sattva) /
В. В. Бадрак — «Фолио», 2014

Как жить человеку, попавшему в тяжелую автомобильную катастрофу и ставшему неподвижным калекой? Эта мысль постоянно преследует Кирилла Лантарова – до сих пор удачливого, предприимчивого юношу, бравшего от жизни все, что он только желал. Однако ему несказанно повезло: еще в больнице Лантаров встречает своего будущего учителя, прошедшего собственные круги ада и уже начавшего очищаться от скверны бытия. Шура Мазуренко, некогда малолетний хулиган, а потом десантник-афганец, убийца и преступник, сумел во время тяжелой болезни найти способы исцеления, приобщившись к вершинам книжных знаний, удивительным рецептам природы и тайнам учений великих мудрецов. Он приходит на помощь Кириллу.

© Бадрак В. В., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентин Бадрак

Чистилище. Книга 2. Тысяча звуков тишины (Sattva)

*Движения звезд могут показаться безумными простаку, но
мудрые люди понимают, что кометы возвращаются.*
Владимир Набоков

Глава первая Вне зоны досягаемости

1

Место обитания Шуры несказанно удивило Лантарова. Шура, управляя машиной, хранил молчание. Дорога вскоре стала совсем плохой, ухабистой, и он весь сосредоточился на вождении, продвигаясь плавно и осторожно, будто крадучись. Лантаров не выдавал своего внутреннего смятения, но вид первобытного, нечищеного леса с настоящими буреломами и упавшими от старости деревьями по обе стороны дороги его поражал и настораживал. На дороге почти не было снега, в лесу же он лежал плотным грязно-белым покровом, похожий на застывший слой сметаны. Больному казалось, что они уже подкатывают к самой окраине мира, да и пуховая подушка под поясницей сбилась, и как ни старался водитель, каждая кочка отдавала тупой болью в костях и приливом страха в голове. Когда после двух с половиной часов Шура, миновав затхлый хутор с десятком небольших домиков, въехал в лес, Кирилл не выдержал.

– Шура, это уже целая экспедиция. Я думал, что твое Простоквашино выглядит более цивилизованно.

Шура ухмыльнулся, как бы говоря: «Я ведь предупреждал тебя, молодой человек». Тут машина прошла очередной зигзаг, взвизгнула то ли от радости, то ли от непосильного напряжения, и Лантаров увидел дом, возникший как бы посреди леса. Шура улыбнулся и кивнул на весьма необычное жилище из бревен, похожее больше на приземистую, продолговатую конюшню или барак, чем на дом. Лантаров недоуменно посмотрел на Шуру, в глазах которого светились удовлетворение и неподдельная радость. «Черт, уму непостижимо, куда меня нелегкая занесла!» – подумал он в смятении.

Когда дверка машины отворилась, Лантарову ударил в голову и тут же поглотил целиком необыкновенно свежий, сочный, пьянящий воздух, насыщенный сосновой смолой, ароматом двух гигантских дубов и еще чем-то непонятным и неповторимым. Дух перехватило, горло сдавило от непривычной, раздражающей концентрации запахов природы. Он закашлялся, а Шура в ответ улыбнулся.

– Добро пожаловать в санаторий, – торжественно возвестил хозяин лесного жилища.

– Кхе, кхе... И как же он называется? – прочистив горло, спросил Лантаров. Сердце у него забилось немного быстрее, но не от вида лесного домика на живописной полянке с двумя зрелыми дубами и частоколом сосен с трех сторон, – он заколебался, сможет ли провести тут немало дней и ночей, освободившись от уныния и тоски последних месяцев.

Шура же довольно хмыкнул и задумался.

– Хм... Да я как-то не думал об этом. Но – очень хорошая мысль. Надо будет придумать название и сделать большую табличку. Ладно, давай я тебя перенесу в дом.

Лантаров хотел было протестовать, но тут вдруг появился лохматый самоуверенный волкодав с пронизательными и строгими глазами капитана госохраны. Пес подошел к нему и настороженно понюхал, его раздувающиеся ноздри не внушали доверия. Похоже, запах ему не пришелся по душе, потому что дружелюбия у него ничуть не прибавилось.

– Тёма, спокойно, свои, – уверенным, отрывистым голосом предупредил кобеля Шура, и тот повернулся к нему. Уже в следующее мгновение, радостно виляя обрубок хвоста, белое с черными подпалами чудовище уткнулось большой мохнатой мордой в подставленные руки хозяина.

– Так, давай, не мешай. Ступай к дому, – приказал ему Шура, сначала потрепав за обрванное ухо, а затем слегка оттолкнув. Тот нехотя отошел на пару метров, принял игривую позу и стал наблюдать за происходящим.

– Как медведь... – констатировал Лантаров, с опаской наблюдая за грозным животным.

– А то, – подтвердил Шура, – знай наших. Этот алабай – охранник отменный. Подружишься.

«Ну да, подружись с такой зверюкой», – недоброжелательно подумал Лантаров.

Шура осторожно взял на руки уже слегка застывшего от мороза парня, и Лантарова охватили смешанные чувства. Ему было неприятно, что с ним возятся, как с ребенком. С другой стороны, ему было уютно и до необычного ребячливого восторга радостно ощутить себя защищенным и окутанным заботой. На один миг возникло и затем тут же стыдливо исчезло ощущение маленького мальчика, желанного и любимого ребенка. В доме Шура уложил его на широкую, но довольно твердую кровать посреди большой комнаты. Она больше походила на невзыскательно сбитые нары, которые покрывал простой жесткий матрац. Лантаров провел рукой под кроватью и едва не вскрикнул от боли – от шероховатой доски он загнобил себе в палец занозу. Лантаров выругался про себя, благо, Шура возился в это время на улице и ничего не заметил. Парень осторожно извлек из пальца колкий кусочек дерева и с неприязнью бросил его на пол. Ему никогда не приходилось спать на таком диковатом ложе. Превратится ли он в скромного аскета – он, привыкший жить в городских апартаментах и ни в чем себе не отказывать? Или выйдет отсюда еще более отупевшим, одичавшим, грязным и заскорузлым, как крестьянин времен крепостного права? Ну и кретин же он, поверил этому Шуру, который, может быть, всю жизнь жил индейцем в добровольно созданной резервации. «Ладно, – заключил Кирилл, только бы встать на ноги, а там – пятки сверкнут, и не найдете меня днем с огнем!»

Вернулся Шура с охапкой дров в руках и заботливо посмотрел на гостя. Лантаров заметил, что вместе с Шурой в дом неслышной мягкой поступью проник большой белый кот, который по-хозяйски присел у ног Шуры и стал бесцеремонно и неприветливо разглядывать Лантарова. В наглых, немигающих глазах кота стоял задорный вопрос: «Ну че, парниша, пожаловал?»

– Как тебе, тепло?

В помещении, действительно загодя щедро протопленном и довольно светлом, было вполне сносно. Во всяком случае, никаких явных неудобств не было.

– Да, отлично все, – ответил он, фальшиво улыбаясь.

– Поначалу тебе будет неуютно и одиноко, – наставительно предупредил Шура, остановившись в дверях, – но это явление для души временное, и ты это поймешь и почувствуешь. Ладно, я сейчас еще подтоплю, и будем обедать.

Шура пошел к печке, и кот последовал за ним, как тень, неслышная и неприметная, живущая по своим собственным законам.

Лантаров кивнул и стал рассматривать убранство, совершенно не вяжущееся с внешним миром, от него веяло беспризорным бытом. С одинаковым успехом Лантаров мог бы назвать этот дом и нечестивым логовом, и оригинальным устройством для жизни.

Сам дом изнутри и снаружи был сплошь из дерева, как сруб одного из сибирских поселений. Но при всей грубости тесаной конструкции, незамысловатости самой постройки гость мимо воли отметил, что внутри комфортно. «Да, жить можно, вернее, выжить», – подумал он, когда увидел в углу комнаты большой, блестящий матовой сталью холодильник высотой с рослого парня. Но сложенная рядом на столике деревянная посуда отдавала мрачным туземным бытом. Пол был из грубых, тесаных досок, а стены, аккуратно обитые светлыми узкими досками, имитирующие брус, выглядели вполне симпатичными. Больше всего Лантарова удивили до отказа набитые книгами полки по всей внутренней окружности этой довольно большой комнаты. Полки несколько раз прерывались, и между ними располагались странные, однотипные плакаты. Ничего подобного ранее он не видел. То были именно плакаты, а не картины, потому что на каждом из них, по всей видимости, цифровой печатью были выведены контуры чьего-то лица, а ниже – какие-то слова или предложения. Довершал несуразную экзотическую картину большой, невероятно длинный, стоявший меж двух окон письменный стол. На нем также застыли, будто внезапно застигнутые врасплох, неровные стопки книг, лежали несколько раскрытых фолиантов посреди стола, какие-то тетради, ручки, цветные карандаши. На столе царил незавершенность, ощущение прерванного, какого-то замысловатого процесса, наполненного застывшим на время хаосом. И даже паутина по углам, явно не убираемая месяцами, как и пыль на книжных полках, казались не признаками беспорядка или безалаберности хозяина, но маяком того же, уравнивающего все сущее спокойствия. Лантаров вынужден был признать, что именно эти многочисленные тома, невинное нагромождение пишущих инструментов и тетрадок, эти нависшие полки, наскоро смастеренные из досок и продетых в них веревок с узлами для крепления, и создавали жизнь утлому домику. Тут был стойкий запах труда, какой-то простодушной и упорной деятельности, запах книг, свободно блуждающих неортодоксальных мыслей; был запах чего-то такого, чего он не знал и не понимал. Из всего убранства комнаты гость у печи увидел только резную деревянную подставку, на которой было выложено около десятка различных ножей: охотничьих, военных, несколько оригинальных клинков с замысловатыми конструкциями лезвий и рукоятей и даже боевой армейский штык-нож с пластиковой ручкой терракотового цвета. Подставка походила на выставочный стенд, но какой-то доисторический, кустарной работы, предназначенный явно не для показа гостям. Рядом, на двух вбитых прямо в печь крюках, покоилась кочерга и вызывающе стояло ведро с большой вмятиной на боку; из него торчала рукоять совка.

Но было и нечто, основательно разочаровавшее Лантарова. Нигде ни телевизора, ни компьютера, ни даже приемника.

– Шура, – крикнул он жалобным голосом, объятый беспокойством, – только не говори, что у тебя нет интернета и телевизора! Не убивай меня!

Шура в ответ ухмыльнулся, и Лантаров с досадой откинул голову на подушку. «Ну как, скажите мне, как можно жить без связи с миром?! Это – дурдом!» – раздраженно подумал он, уже забыв, как в больнице соглашался на любые условия, лишь бы выписаться.

В комнате показался большой рыжий кот, упитанный и бесстрашный. Лантаров уставился на него, и кот сел у печки и тоже с любопытством стал оглядывать гостя. Парню пришло в голову, что у этого кота есть настоящий интеллект, сродни человеческому.

– Ну ни фигу себе, смотрит на меня совсем как человек, – поделился он впечатлением с хозяином дома, – приворожить меня хочет, что ли?

– Да, это мудрый кот, – отозвался Шура, распаковывающий большую, принесенную из машины сумку, – Васькой зовут.

Васька медленно, но решительно, плавающей походкой приблизился к Лантарову и понюхал предложенную ему руку. Затем он подумал и приветливо сказал: «Мяу!»

– Привет, – ответил ему ошеломленный пришелец.

2

Они собрались обедать, для чего переместились в комнату поменьше, где посредине стоял добротный деревянный стол и четыре табурета. Двери в другую комнату не было, да, впрочем, не было и стены – она располагалась по другую сторону печи, которая просто визуально отделяла одну комнату от другой. Возле окна взгляд Лантарова обнаружил электрическую плитку и электрокипяtilьник, но в другом углу на стенах красовалось несколько полок с книгами. Между ними Шура умудрился втиснуть еще два плаката – точь-в-точь, как предыдущие, только другие лица и другие слова. Между тем Шура грел кастрюлю не на электроплитке, а на хорошо разогретой печи.

– Шура, ты везде читаешь?

– Не-ет, просто места не хватает. – Хозяин дома удовлетворенно, с хитрецей, ухмыльнулся. – А хорошие и нужные книги стоит держать под рукой.

«Так, сейчас заведется по поводу книг – хлебом не корми, дай поболтать о книгах», – с сарказмом подумал Лантаров и решил перевести разговор.

– Слушай, Шура, где мы находимся? Куда ты меня привез?

Шура прищурился, на лице его отразилось привычное выражение – смесь невозмутимости с легким налетом иронии.

– Не так далеко, как ты думаешь. Едва ли сотня километров от столицы. А рядом в полутора километрах от нас вполне приличный населенный пункт – поселок Кодра. Хотя, по большому счету, мы в Кодре и обитаем. Но цивилизация там, дальше. А что, страшно?

– Да нет, не страшно. Просто такое ощущение, что мы где-то на отшибе всего мира, недалеко от... преисподней.

Шура при этих словах хмыкнул, но выражения лица не изменил.

– Ну, только тогда не от преисподней, а от рая. Вообще, я думаю, это и есть форпост земного рая.

– Может быть, конечно. – Лантаров согласился для виду. – Только тишина тут давит неимоверно – я никогда не слышал такой тишины, ну, чтобы абсолютная. И никогда не думал, что можно слышать тишину.

– Тишина – это здорово! Ее можно не только слышать, но и слушать. Тут – сказка!

«Какая, на хрен, сказка?! Уродливая быль!» – Лантаров поджал губы.

– Она мне уши продавливает, эта тишина. И я чувствую себя ничтожеством. – Парень неподдельно скривился, показывая, как эта самая тишина его гнетет. А Шура легко вскинул брови.

– Не-ет. Она исцеляет. Только ты преувеличиваешь – с непривычки. Кстати, тут не такая уж глушь, как кажется на первый взгляд. Недалеко железка имеется, и если что-то там движется, слышно отменно. Чуть дальше есть турбаза, но сюда, как правило, отдыхающие не добираются. Но если фейерверк какой или слишком активное ночное гуляние, то тоже бывает слышно. А так, точно ты приметил – тихо тут, никто не тревожит.

– Первый раз слышу, чтобы тишину вместо таблеток использовали. Обычно – вместо пыток.

Шура улыбнулся и поставил перед Лантаровым тарелку с горячим грибным супом. Спокойно налил себе и поставил на стол.

– Тебе не больно сидеть? – спросил он вместо ответа на реплику. – Может, надо все-таки несколько дней провести лежа?

Лантаров расположился на сложенном в несколько раз ватном одеяле. Кости его болели непрерывной ноющей болью, он чувствовал общую слабость и приступы тошноты, но счел необходимым терпеть – состояние калеки и инвалида угнетало его еще больше. Ступать или даже нагружать ноги он не мог из-за бессилия и страха. Но это было и незачем – Шура перенес его от кровати до стола.

– Терпимо, – отозвался он и стал пробовать суп, – ух, горячий! О, суп точно райский! Неужели можно научиться готовить такое?

В ответ он улыбнулся краем рта, что означало: «Я прекрасно знаю, что мой наваристый суп из белых грибов – это не то дерьмо, которое подавали тебе в больнице».

– Ничего особенного. Пища должна давать нам энергию, но не должна отвлекать.

Они некоторое время ели молча, дуя на содержимое глубоких деревянных ложек. Вдруг Шура остановился и стал говорить, как всегда, ровным и глубоким голосом.

– Тишина, Кирюша, нам нужна, чтобы мы обрели спокойствие ума и научились свободно думать. А правильное течение мыслей и энергии неминуемо приведут нас к пониманию мироздания, выстраиванию гармоничных отношений с миром.

– И тут находится отправная точка, как ты говоришь, исцеления... – задумчиво проговорил Лантаров, оглядывая пространство с некоторым сарказмом.

– Я бы сказал, отправная точка здоровья. Когда ты говоришь «исцеления», неминуемо подразумеваешь, что существует недуг. И концентрируешь внимание на самом недуге, тогда как стоит сосредоточиться на здоровье.

– Это часть твоей системы, которую ты хочешь на мне отточить?

Лантаров не старался задевать Шуру, но странным образом почти независимо от его желания в речах пробивались язвительные нотки.

«Может, – думал он с отчего-то возвратившимся отчаянием, – эта плюгавая хижина и ее непонятный хозяин попросту навевают на меня невыносимую тоску?»

Но хозяин не реагировал на его уколы, он словно пребывал в каком-то невидимом глазу коконе, сквозь который не пробивались никакие вредные для него слова или эмоции.

– Пожалуй, это можно назвать системой. Но оттачивать ее можешь только ты сам. Если захочешь. Потому что все, что человек может сделать ради своей реализации, ради своего здоровья, спасения или исцеления, он должен сделать сам. Это – закон самого пребывания в этом мире всех живых существ.

– Странно ты говоришь, – с укоризной заметил Лантаров, искоса поглядывая на человека, с которым надо будет под одной крышей прожить месяц, а может, и гораздо больше, – странно и непонятно. Для меня такая тишина – это как будто тебя в гроб живого заколотили, пока ты спал, а тут вдруг проснулся...

Он не стал развивать мысль и умолк, помрачнев.

– Отчего же странно? – спросил Шура, сохраняя невозмутимость и говоря дальше неспешно, с расстановкой: – Городской шум и суета действуют, как преграда, зашлаковывают ум, не позволяют ему освободиться от беспокойства. И если это происходит в течение многих лет, а сюда прибавляется гнусная еда из фаст-фудов, отравленный воздух, нервозность окружающих, необходимость жить дурными стереотипами и становиться резервуаром для всяческой вредной информации, то незаметно человек заболевает. Это неминуемо. И если он не обращает внимания, терпит, то так же незаметно умирает. Так было, впрочем, всегда. Жизнь в толпе – богатая или бедная, не важно – приводит к тому, что индивидуум теряется, растворяется в бездарной массе, рассеивает свои мысли и энергию. Его душа корчится и плачет, тело страдает, а он демонстрирует чудеса выносливости, соблюдает приличия и выполняет нормы больного, давно прогнившего общества. Сначала отмирает его способность мыслить, а затем, как едущий без водителя автомобиль, он убивает свое тело. Причем, не важно, каким образом: от болезни, в глупой давке где-нибудь на стадионе, в кровавой драке или от свалив-

шегося на голову кирпича, от непредсказуемого несчастного случая, от алкогольного угара или иного отравления или от автомобильной аварии на дороге. У каждого находится свое слабое место.

– Ничего себе картинка! – С неудовольствием воскликнул молодой человек, явно почувствовавший намек на связь его аварии с прежним образом жизни. – Ты можешь предложить что-то альтернативное? Превратиться в истуканов, которые сидят в тишине и тупо смотрят на деревья? Это – выход?

– Давай еще тарелочку супа... – Шура протянул руку, и Лантаров, повинувшись, передал ему свою деревянную миску. Есть деревянной ложкой из деревянной миски было непривычно и неудобно. Но это была часть общей экзотики, и он воспринял ее как должное.

Шура налил добавки, поставил перед гостем еду. Затем также неторопливо добавил себе.

– Вообще, это хорошо, что мы сразу затронули содержание твоего пребывания тут. – Они стали есть, а Шура продолжал объяснять суть предлагаемой терапии. – Я хочу повторить, что все, абсолютно все будет зависеть от твоего желания.

Шура сделал особенное ударение на слово «твоего» и, прожевав гриб, продолжил:

– Ответственность – это тот мячик, который всегда будет на твоём поле. Я предложил, ты принял предложение. Но его можно аннулировать в любой момент.

– Хорошо, – твердо согласился Лантаров и подумал про себя: «Придется, старина, терпеть, все равно у тебя нет выхода».

– Так вот, это, во-первых, не техника лечения. Непосвященному человеку это может показаться мистикой или знахарством. Во-вторых, все это придумал не я. Мудрецы твердили об этом еще три – пять тысяч лет тому, а по ходу развития нашей цивилизации то тут, то там появлялись носители этих простых и одновременно глобальных знаний о мироздании. Мне лишь посчастливилось проверить эту систему и убедиться на себе, что она действует. Она состоит из четырех составляющих. Первая – правильное мышление. Вторая – правильное дыхание. Третья составляющая – правильное питание. И, наконец, четвертый аспект – движение, в нашем случае – физические упражнения.

Шура опять съел пару ложек, как бы давая время слушателю переварить информацию. Затем спокойно продолжил:

– В твоём случае с движением придется пока повременить.

Лантаров хмуро кивнул в ответ, сжал губы и слегка наклонил голову – всякие упоминания о его немощи вызвали у него неприятные ощущения. Но воля Шуры, ненавязчивая, не выпячиваемая и неприметная с первого взгляда, его не то чтобы подавляла, она подчиняла. Он полагал, что это из-за отсутствия всякой иной возможности действовать, но в глубине души понимал – это логическое подчинение слабого сильному. Но не подчинение грубой физической силе, а попадание под влияние какой-то удивительной харизмы, тонкой, струящейся из его естества, внутренней энергии, не довериться которой было невозможно. Лантаров точно ощущал в Шуре факел, зажигаемый знаниями, иными и более глубокими, чем его собственные знания. Внутренний голос неумолимо твердил ему, что в сравнении с этим непохожим на других людей лесным жителем он является безвольным, неприкаянным невеждой, но признание этого даже самому себе приносило дополнительные боль и страдания.

– Зато здоровым питанием, целительным дыханием и особенно благими, освобождающими от напряжения и беспокойства мыслями заняться можно и нужно. Попробуем?

Лантаров поскрежетал зубами и с усилием угодливо выдавил из себя:

– Конечно. Как же еще. Коль я уже тут, так чего уж мне отпираться...

– Я тебя не случайно спрашиваю – если ты не будешь верить, то победить наваждение будет гораздо сложнее. Теперь немного о тишине. Попробуй послушать ее, раствориться в ней. Чтобы услышать свой голос. Этот голос только в полной тишине может превратиться в свободный поток сознания, ведущий нас к верным впечатлениям о мире.

– К верным впечатлениям о мире, – задумчиво повторил Лантаров, пытаясь уловить смысл произносимых слов, – как это? Я не могу понять, какие впечатления верные.

– Не мудрено. Ты же жил в таком темпе, какой скаковые лошади не выдерживают. Так рано или поздно пришлось бы сойти с дистанции, и ты должен благодарить судьбу, что вышел из игры с минимальными потерями. Да что тут говорить, мы все жили на городской помойке – до тех пор, пока нас не прижала сама жизнь. А в городских условиях при постоянном шуме и наличии тысяч других раздражителей услышать свой голос мало кому удастся.

Лантаров вскинул брови: «Чего ради это он нас уравнил? Часть лесной терапии?»

– А зачем слушать этот внутренний голос?

– Так мы можем обратиться внутрь себя и понять свое истинное «Я». Другими словами, это значит – понять собственную природу, обратиться к Богу.

– Ого! – присвистнул Лантаров.

«Вон куда он прет!» – подумал он.

– Бог в душе каждого живущего, и он помогает преодолеть любую преграду, недуг или сомнения. Все начинается с мыслей, но привести к Богу они могут лишь в тишине. Вот для чего необходима тишина... Для преодоления беспокойства в душе. Для создания пространства покоя. Не забвения, не смерти заживо, как у премудрого пескаря из одной старой сказки Салтыкова-Щедрина. А покоя – в смысле, спокойного, осознанного, сосредоточенного движения в одном направлении. Ведь, может, ты об этом не думал, но многие болезни, если не большинство их, вызваны спешкой. Спешка уводит от гармонии, лишает способности слушать собственный голос, затем логическим продолжением этого становится бегство от Природы – своей собственной и вселенской. А это вызывает беспокойство, как раны, открываются зоны напряженности.

Он немного помолчал, будто сосредоточился на том, чтобы тщательно прожевать пищу. А затем добавил еще несколько фраз, особенно запомнившихся приезжему горожанину:

– И еще одно, Кирилл. Этот аскетизм, конечно, может показаться тебе глупостью. Но если ты глубоко задумаешься над его смыслом, обязательно поймешь причину. Здоровый человек сам по себе противоречит идее экономической эффективности современного общества. Очень хорошо, что ты убедился в больнице – пациент без денег обречен на угасание, он попросту неинтересен. В больнице мы должны платить за то, что больны – нас ждут и воспринимают, то есть любят, исключительно больными и платежеспособными. Зачем врачам здоровые люди, если деньги приходят только тогда, когда люди больны? Потому вся мировая система построена не на концепции здоровья, а на концепции болезни. Людей травят токсичными идеями и стереотипами, засоряют опасной пищей, подкармливают отравленными добавками. Разве не для того, чтобы они прекратили думать, превратились в послушных телепузиков, безропотно поглощающих предложенный или навязанный пузикрем, и стали затем – по логике вещей, – больными? И дальше все – по порочному кругу. Медикаменты, разрушающие здоровые органы, – в пользу временного поддержания пораженных. И так далее и тому подобное...

Слова Шуры не походили на наставления, но звучали все же патетически, с некоторой торжественностью. Однако обижаться на Шуру было невозможно, его лицо и взгляд неизменно выражали благость, как будто он закрыл глаза и улыбался, подставив лицо теплым лучам утреннего солнца.

– Так, какой распорядок жизни в твоём санатории? – Лицо пациента теперь тоже отражало примирение с ситуацией. Временное, но все-таки достаточное для начала действий.

– Очень простой. Думаю, тебе надо адаптироваться пару-тройку дней. Присматривайся. Прислушивайся. Обживай новое пространство. Надеюсь, что многие ответы придут сами. А там мы начнем двигаться к свету. Вместе.

3

Лантаров проснулся довольно поздно – в окна игривым ребенком заглядывал день, безоблачно светлый и приветливый. Он отчего-то подумал, что давно не видел в окне такого бесконечного, совершенно бездонного неба. Он чувствовал себя изумительно отдохнувшим и свежим, как будто его накачали неведомым волшебным зельем. Это не было ощущением готового парить в пространстве воздушного шарика, скорее, впечатление ребенка после обморока, когда возвращается на миг утраченная Божья благодать. На сердце возникло давно не испытываемое наивное ощущение новизны и приближения чего-то наверняка приятного, как бывает у верующего после долгой молитвы. Он заметил, что печь уже весело трещала дровами, будто напевая энергичную песенку, – по дому давно растеклось ободряющее тепло. Но воздух в этой лесной обители все равно был другой – сочный и влажный, как мякоть спелого персика. Лантарову показалось, что никогда раньше он не чувствовал в воздухе такой предельной свежести и непорочности – ничто его не портило: ни стойкий запах больничных медикаментов, ни смог и копоть городских мостовых. И вездесущие молекулы этого воздуха казались активнее, смелее и настырнее, они проникали не только во все уголки тела, но даже в глубины мозга. Или, может, так ему просто казалось. Хотя в теле к привычной ватной слабости от твердого спартанского матраса добавилось ощущение ломкости, в голове уже неизвестно откуда возник невиданный доселе подъем, словно внутри сам собою открылся новый источник энергии. Шуры не было, и он твердо решил самостоятельно добраться на костылях до уборной.

Весь его теперешний мир сузился до выживания и банального стремления к нормальному человеческому состоянию, но это виделось значительным делом, не уступающим по замыслу переходу Суворова через Альпы. Этим утром стрелка внутреннего компаса вела его к необходимости обслужить себя – сама мысль, что Шуру придется еще и носить ему судно, убирать за ним, приводила его в бешенство. Приняв решение, он осторожно ощупал себя, дотянувшись руками немного дальше колен. Свои конечности он отлично чувствовал и даже мог самостоятельно немного согнуть ноги в коленях – эти простые открытия вселили в него еще больше уверенности. С большим трудом Лантаров приподнялся на локтях, осторожно перевернулся и дотянулся до костылей. Перевел дух, сконцентрировался и затем подтянул их к себе. «Давай, смелее, – подбадривал он себя, – не сдавайся, покажи, что ты чего-то стоишь. Пора опять становиться человеком». Пот напряжения выступил у него на лбу, как будто сейчас ему предстояло по ледяной стене подниматься к вершине Эвереста. Но он не сдавался, продолжая действовать медленно, спокойно и неуклонно. Через минуту, тяжело дыша, он в носках стоял на полу и опирался на костыли. У него были только тапочки, которые накануне вечером легко снялись от простого надавливания носком одной ноги на пятку другой. Однако водрузить их таким же образом на ноги не представлялось возможным. «Ну и шут с ними», – подумал Лантаров и в носках двинулся в уборную – от пола тянуло холодным потоком, достигающим колен, но он не обращал внимания. Накануне вечером он посетил сортир еще при поддержке Шуры – в нем был настоящий унитаз, но зато смыва не существовало в помине. Шура объяснил: поскольку дом стоит на отшибе, то тянуть сюда воду или пробивать скважину он не стал. Не столько из-за дороговизны, сколько вследствие приобретенной привычки к аскетической жизни. Уборную Шура смонтировал в доме сам, самостоятельно соединил со специально вырытой для этого сливной ямой, а в качестве системы смыва использовал обычное ведро, наполняемое из колодца.

Для Лантарова, урбаниста и неженки, самостоятельное посещение земного места превратилось в своеобразную экзекуцию. Особой проблемой оказалось смывание унитаза. Матерясь вполголоса, дрожа всем телом, он уперся плечом в стену, держа в то же время под мышкой костыль – на него-то и приходилась основная нагрузка. Второй костыль он прислонил к стене и

высвобожденной рукой дотянулся до ведра с водой, на его счастье, наполненном только наполовину. С невероятным трудом – самому себе он казался раненым революционером – Лантаров залил воду в унитаз, расплескав половину содержимого и окатив холодной водой левую ногу. Затем он еще некоторое время стоял, прислонившись спиной к стене, и пытался отдышаться, точно только что преодолел стометровку на соревнованиях. Лишь теперь он заметил, что уборная сплошь увешана какими-то надписями в виде небольших плакатов на синтетической ткани, как и большая комната, и вторая комната, где они ужинали. Он механически прочитал несколько надписей.

«Тот, кто обращается к прошлому, способен создавать новое. Конфуций» – было написано на противоположной стене. А на двери был прилажен плакат с такими словами: «Всякий анализ должен завершаться практической деятельностью. Дэвид Фроули».

– Тьфу ты черт! Лучше бы смыл в туалете сделал, – зло прошипел Лантаров, решив не читать надписи на других стенах. Он их не понимал – кучка букв, из которых выложены слова, и все. Никакого смысла. Парень осторожно выбрался из тесной уборной и, стараясь шадить ноги и как можно меньше времени опираться на них, пустился в обратный путь.

И все-таки это было достижение – он был даже определенно горд собой. Впервые с момента аварии он сумел самостоятельно справиться со своей выделительной системой. Он чувствовал себя где-то посередине между человеком и животным. Выбитый из седла всадник или подраненное животное.

Лантаров осторожно улегся на спину и вновь ощутил себя безнадежным пленником могущественной, всепоглощающей тишины. «Эх, – с досадой подумал он, – хоть бы самолет пролетел... Музыку бы послушать или повтыкать в ящик. А еще бы лучше в интернет. Все-таки абсурдная жизнь в этом замшелом, пустом могильнике. Комнаты – несуразные, просторные деревянные склепы. А этот ужасный сортир – просто большой деревянный ящик, похожий на вертикально поставленную гробницу или сундук с вмонтированным унитазом. Нет, я себя заживо хоронить тут не собираюсь – только научиться ходить и – прощай, дорогой друг! Больше вы меня тут не увидите». Он почему-то вспомнил, как нырял в море с маской – подводный мир неотразим по своему оформлению, но в голове быстро возникло такое чугунное ощущение, что его сплюснули до одноглазой камбалы, и толща воды усугубляла давление тишины. Вот и тут, в лесу, в ушах стоял призрачный вой тишины – откуда только он взялся посреди беззвучья?

Невольно в голове всплыл вчерашний разговор. «Слушать тишину, это как? Болезни вызваны спешкой. – Забавно, однако. Жили мы в слишком быстром темпе? В общем, да! Но как иначе все успеть и все попробовать?»

«Мать ее так... эту тишину. Меньше работать и больше трахаться!» – вот золотой девиз их поколения. Но он почему-то перестал действовать. А ведь это безупречный трубный зов современности! И чем он плох? Тем, что нет войны и не надо совершать подвиги, спасая Родину?

«Хотя, – подумал Лантаров, – не все так просто с работой, и напрягаться порой приходилось по-взрослому. Конечно, это не в забое уголь долбить, но все же...» Что его больше всего напрягало? Юный шеф Влад Захарчиков? Да-да, он напрягал – своей неумной жадой жить по завышенным стандартам, то, что они в своем кругу называли «Правилом понтов». И он, Лантаров, пахал за двоих, за троих. Как и Артем, конечно. Именно это создало сумасшедший темп, который выводил из себя, истощал, вызывал ярость и ненависть ко всем, кто внезапно оказывался на пути. Заставляя компенсировать время и усилия на другом – том, что раньше было условностями. Пропадать на время в сладком дурмане, букете из женщин, алкоголя и того апатичного состояния, когда можно абсолютно все...

4

Какой-то необыкновенный шум во дворе вывел Лантарова из раздумий. Он с усилием приподнялся на локтях, подтянул подушку под спину, потянулся еще выше и, опираясь на руки, стал вдруг свидетелем неожиданной картины за окном. Шура, совершенно голый, стоял в одних только резиновых тапочках на снегу и готовился вылить себе на голову второе ведро воды.

«Жух!» – Поток ледяной воды водопадом хлынул ему на голову, плечи и грудь. Он смешно фыркнул, подвигал своими плечами, будто греясь или готовясь выполнить гимнастическое упражнение, потом тряхнул головой, отставил пустое ведро и застыл на несколько мгновений. Лантаров инстинктивно поежился – на улице было градусов десять мороза, а то и больше. «Да, вот тебе и хижина дяди Тома», – подумал он, оседая на подушку. Даже от просмотра такого становится зябко. Шура же, как ни в чем не бывало, взял с пенька большое грубое полотенце и стал растирать им тело. Лантаров отодвинул подушку и в бессилии откинулся на нее.

– Ну что, как спалось? Терпимо?

Хозяин дома появился в комнате через минуту с утренней, лучистой и немного ироничной улыбкой на устах. Теперь полотенце было повязано на поясе и юбкой свисало вниз, покрывая и колени. На ногах были резиновые тапочки, но явно не те, в которых он был во дворе – эти были сухие, по всей видимости, для дома. На остатках былой шевелюры, остриженной машинкой «под ноль-шесть», как и на широких округлостях плеч, удержались капли колодезной воды, придававшие теперь особый, здоровый колорит его фигуре на фоне урчащей печки. Лантаров впервые видел своего добровольного наставника полубогаженным и с удивлением обнаружил, что все его тело, состоящее из мелких бугорков мускулов, походит на античную скульптуру. Под левой грудью он рассмотрел наколку группы крови. Но Шура не выглядел здоровяком подобно рафинированным качкам из тренажерных залов – в сравнении с ними он выглядел скорее длинной жердиной. И все-таки его мышцы казались живыми, выразительными и напитанными энергией действия.

– Тебе бы сейчас томагавк в руки и перо в волосы, и вылитый вождь апачей из старого американского фильма про индейцев, – сказал Лантаров вместо ответа.

– Ого! Ты знаешь такие фильмы? – Шура удивился. – Это показывали в кинотеатрах, когда я был лет на десять моложе тебя.

Лантаров с грустью усмехнулся.

– Я в детстве много всякого дерьма пересмотрел, когда коротал вечера в одиночестве... У нас дома был какой-то доисторический «видик», кассетный еще, и громадное, просто несметное количество этих кассет... Слушай, тебе не холодно так себя водой поливать? Ведь можно превратиться в кусок льда.

– Наоборот, жар возникает в теле, как будто в глубинах организма печь запускается.

Лантаров недоверчиво покачал головой.

– Ладно, я зашел узнать, нужна ли тебе помощь. Я слышал, как ты пробирался – это похвально, и это то, что тебе сейчас очень нужно. Двигаться и бороться самостоятельно.

«Да ну! Слышал и не помог! Ну ты и...» – чуть не вырвалось у Лантарова, который чувствовал себя изможденным после утреннего похода.

– Слышал? – произнес он горьким удивлением, – а где же ты был?

– Там дальше комната еще одна есть – я там занимался.

Внутри у Лантарова независимо от его воли возникла, стала подниматься и расти волна жгучего протеста: «Занимался, а ко мне не вышел. А ведь слышал же, что я на пределе».

– А чем занимался, спортом, что ли? – любопытствовал он не без оттенка сарказма.

– Не совсем. То, чем я занимаюсь, спортом точно не назовешь. Кое-что из этого можно назвать сидением в молчаливом размышлении.

– И зачем это? – Лантаров спросил почти с раздражением. Он изумлялся все больше, вообще не понимая происходящего. Возникло противное ощущение пребывания в каком-то законсервированном колдовском вертепе, где события развиваются непредсказуемо и не так, как хочется.

– Давай я тебе расскажу за завтраком, договорились? Минут так через пятнадцать. Тебе не холодно?

В ответ гость только покачал головой – в горле у него застряли горечь и обида. Шура бесшумно удалился, а когда он уходил, Лантаров заметил на его правом плече необычную, приковавшую его внимание наколку в виде человеческого силуэта с парашютом. Ниже под ним он сумел прочитать три непонятные буквы «DRA».

– Самые важные и самые свежие мысли приходят ранним утром, чаще всего еще до рассвета или в момент пробуждения Земли. В это время у нас открыты все каналы приема информации, и потому это должны быть глобальные, стратегические размышления, ни в коем случае не связанные с чем-то мелким, материальным. Мудрые люди всегда так поступали, отдавая раннее утро мысли, а не заработку денег или чему-то еще. Вот почему я находился в одиночестве, в комнате, которую я специально сделал для таких упражнений. Вообще, за крайне редкими исключениями, я посвящаю раннее утро таким размышлениям.

Шура, стоя у стола в просторной рубаше из простой ткани и таких же штанах, объяснял и одновременно раскладывал вареный, рассыпчатый рис в тарелки. Лантаров же смотрел на него непонимающими глазами, как на редкий музейный экспонат. На этот раз Шура попросту перенес парня к столу, потому что у того совсем не было сил и к тому же чудовищно разболелись места переломов. Ноющая боль тоже мешала воспринимать Шуру, и мысли Лантарова расплывались, растворялись в неприятных болезненных ощущениях и снова вернувшемся чувстве беспомощности: «О чем это он говорит? До чего странный человек, как какой-то колдун или чернокнижник. В любом случае, чокнутый. А я думал, будто знаю его. Но я его совсем не знаю!» Хотя молодого человека подкупало в Шуре отсутствие излишнего сострадания – сопливого бабского нытья, которое и его быстро превращало в размякший в воде хлебный мякиш. Шура же держался с ним просто и ясно, открыто разъясняя свои действия и намерения. Как здоровый со здоровым. Помогая при необходимости, но без лишней акцентации внимания на самой помощи – все происходило естественно, натурально. Но Лантаров чувствовал, что одно обстоятельство заметно мешало их сближению – его непонимание и космическая удаленность от того, что делал его новый товарищ.

– Послушай, я ничего не имею против того, что именно так поступали мудрецы. Но я не понимаю, зачем это нужно вообще. И зачем это нужно мне? И как это связано с лечением перебитых тазовых костей?

Легкая усмешка тронула губы Шуры.

– Держи ложку и попробуй поесть, – произнес он заботливо, но все-таки непринужденно – ни его слова, ни интонация не вызвали неприязни. Затем он стал объяснять:

– Как ни странно, связано напрямую. Потому что в минуты такого беззвучного, предельно откровенного разговора с самим собой происходят настоящие чудеса. Нам открывается наша истинная природа, и мы начинаем понимать причины и следствия происходящего с нами, взаимосвязь нашей личной природы с природой Вселенной. Мы осознаем, что являемся божественными частичками и неотделимы от космоса. Просто, начав жить в хаосе, мы закрылись от Природы. И это стало причиной потери равновесия, попадания в зону беспокойства и возникновения в нашей жизни неприятных метаморфоз.

Лантаров открыл рот, дивясь, не сумасшедший ли перед ним человек.

– Допустим. – Молодой человек с вызовом скрестил руки на груди, упершись спиной в тесаную спинку стула. – Допустим, я понял и признал законы природы. Как это помогает мне выздороветь?

– Начнем с того, что ты не болен. Ты – молодой и здоровый организм, попавший, как заблудший самолет, в зону повышенной турбулентности. Тебе нужно не лечиться, а всего лишь переосмыслить свой образ жизни, систему ценностей, приоритеты. Давай рассуждать. Ты жил в системе определенных ограничений, как, впрочем, любой человек. С детства ты знал, что были границы дозволенного и недозволенного. Ведь, так?

– Да-а, – неуверенно и настороженно протянул молодой человек, пытаясь понять, куда клонит собеседник.

– Но затем, насколько я понял из обрывков твоих рассказов, ты стал стремиться жить без ограничений, как у вас говорят, без тормозов. Скажи, так ли это?

– Ну, в общем, да... – ответил Лантаров еще более робко.

– Это характерно для очень многих. Нам хочется освободиться от ограничений в работе, от ограничений, накладываемых государством, обществом – в виде законов и морали и так далее. Еще одно ограничение – каждого человеческого организма – выдерживать последствия различных желаний. Например, человеку хочется много и вкусно кушать. Он привыкает это делать, затем толстеет, приобретает болезни и в итоге платит за свое чревоугодие здоровьем и жизнью. Это примитивный пример, но так во всем: в страсти обладать вещами, в неумном желании достичь власти над людьми, даже в любви. – Тут Шура наставительно поднял указательный палец вверх и торжественно, хотя и не уходя от своего традиционного спокойствия сказал: – Закон Природы гласит: или человек добровольно ограничит себя, или это за него сделает Природа. И Закон Природы неумолим – ведь за все в жизни надо платить.

– Я согласен, что за все надо платить. Но мне уже сейчас плохо! Ты сам говорил, что будешь меня лечить! И теперь утверждаешь, что я не болен.

– Боже упаси! Я не мог такого сказать. Во-первых, я не врач. А во-вторых, Природа сама нас исцеляет, позволяет меняться и совершенствоваться – если только мы искренне открываемся ей. И вот для этого-то и необходимо всю прежнюю жизнь переосмыслить, наметить для себя новые ориентиры... – Шура, глядя на своего молодого друга с нежностью, глубоко вздохнул. Он был не просто спокоен и уравновешен, но далек даже от этой хижины, подобно горе в дымке. – Но не спеши. Невозможно постичь все законы мироздания за один день. Результатом усилий даже одного дня может быть постижение чего-то очень важного. Своими мыслями мы определяем свое будущее – через намерения. Вот сейчас ты страдаешь?

– Да, – нехотя признал Лантаров, – мне хреново, правда, очень хреново.

– А ты можешь рассказать, что именно тебя беспокоит.

Лантаров начал отчаянно и из-за боли неуклюже жестикулировать, и если бы кто-то наблюдал со стороны, то подумал бы, что это репетиция школьного спектакля.

– Во-первых, мне больно. Физическая боль не дает мне нормально жить. Я не могу ходить, и это меня угнетает. Мне кажется, что я навсегда останусь инвалидом. Во-вторых, мне одиноко – как будто я вообще один на всей земле. Я чувствую себя брошенным всеми. К тебе это не относится – ты меня, брошенного, подобрал. За что я тебе безмерно благодарен. А в-третьих, мне еще и скучно, просто по-человечески скучно. Мне все надоело, и все вызывает отвращение. Я живу, как будто за сценой самой жизни и ни на что не могу повлиять. Это ощущение беззащитного дождевого червя, оказавшегося на асфальте, – любой случайный каблук может превратить его в мокрое пятно.

– А причина? Ты можешь назвать причину своих страданий?

Лантаров пожал плечами, лицо его оставалось театрально искривленным, а между бровей поселилась глубокая страдальческая складка. А затем проговорил неуверенно:

– Мне не важна причина, мне важно, чтобы эти дебилные ощущения пропали, испарились.

– Что ж, ты прекрасно рассказал. Давай немного поедим, а то рис остынет. – С этими словами Шура отправил наполненную ложку в рот, а Лантаров, дивясь его выдержке, лишь печально посмотрел на белые зерна в своей тарелке – есть ему совсем не хотелось. Медленно и тщательно жуя, Шура, казалось, обдумывал, как продолжить разговор. Наконец решился.

– Кирилл, я не знаю, готов ли ты довериться тем знаниям, которые уже открылись мне. Но чтобы избавиться от физической и душевной боли, необходимо хорошо понять их источник. Из четырех правил гармонии, о которых я говорил тебе вчера, – мышления, дыхания, движения и питания – мысли являются не только самым весомым законом, но и отправной точкой. Мудрость бытия подсказывает, что причиной любых страданий является непонимание законов мироздания, а не какое-то мифическое зло и чье-то проклятие.

Лантаров молча уставился на человека, который намеревался самочинно назначить себя его учителем. Это его смущало, но он решил, что попытается понять все, что предлагает Шура. Хотя бы как попытку лечения.

– Другими словами, – продолжал между тем Шура, – все, что с нами происходит плохого, является результатом не сделанного нами выбора. Или следствием сделанного выбора, но не соответствующего нашей природе. Мудрецы Востока издавна считали, что базовой причиной страданий есть неведение засоренного ума...

– Но как понять, какой выбор правильный, а какой – ошибочный? – Лантаров, проявляя все большее беспокойство, не дослушал говорившего.

– Вопрос резонный. Именно поэтому каждому человеку полезно сосредоточиться на познании собственной природы и сопоставлении ее со вселенской природой. Основой, пожалуй, может служить понимание, что наша жизнь обусловлена – все, что от нас исходит, к нам же и возвращается. И если наши действия не гармоничны, следствием становится беспокойство ума. Фундаментальных негармоничных состояний, ведущих к болезненному беспокойству, так сказать, напряженных состояний ума, не так много. Мудрецы указывают на игнорирование своей действительной природы, эгоизм, привязанность, неприязнь и страх смерти.

Лантаров пугался все больше – он решительно не мог понять смысла слов. И оттого злился, считая, что крыша у Шуры явно поехала, давно и основательно.

Шура, по всей видимости, заметил это. Потому что он умолк и, отодвинув опустевшую тарелку, спокойно заметил:

– Вот тебя сейчас распирает гнев – того, гляди, взорвешься. А ведь гнев всегда рождается от неудовлетворенных желаний. Когда мы ожидаем чего-то большого от окружающих, а этого большого нам получить не удастся.

Лантаров покраснел – собеседник попал в «десятку».

– А сам ты никогда не злишься на людей? – спросил он с вызовом.

– Раньше злился. Сейчас – практически нет. Я научил себя ничего не ждать от окружающих и потому их поступки не противоречат моим устремлениям. Почему ты не ешь?

– Не хочу. – Лантаров молчал, тупо уставившись в угол комнаты. – Я пока тебя не понимаю. Не могу понять.

– Ничего. Это нормально, через это проходят все ищущие. Главное – верить. Помнишь Иисуса? Каждому воздастся согласно его вере! И так – во всем. Бог никогда не наказывает нас, а всего лишь позволяет нам учиться.

Лантаров кивнул.

Сможет ли он понять, поверить, начать действовать во благо своего будущего?!

5

Кирилл не заметил сам, как тихо и поступательно оказался вовлеченным в орбиту жизни Шуры. Его время действия пришло так же, как свет дня. Вот еще царствует крамольная, пугающая многоликостью темного пространства ночь, и ты напряженно ждешь, улавливая, что только-только начало сереть. Как вдруг на короткое мгновение фокус внимания рассеивается и ослабевает, и почему-то именно в это самое время хулигански вламывается задорный, безоговорочный, воинственный и бесшабашный день. И остается только вскрикнуть: «Боже, явился свет!»

Шура вовлекал младшего товарища в новую жизнь аккуратно, с тщательностью и деликатностью, на которую способен не учитель, но более опытный и более смелый ученик. Действительно, сам он выполнял все предлагаемые процедуры с таким неукоснительным усердием, что не верить ему было попросту невозможно. Пожалуй, его подопечный счел бы многие из лесных занятий совершенно абсурдными и никогда не взялся бы за них, не будь рядом спокойного, абсолютно уверенного в их пользе покровителя. Например, Лантаров сначала отнес к досужим глупостям неотесанных деревенских знахарей предложение Шуры полоскать каждое утро рот подсолнечным маслом. «Ты бы еще мне в рот смолы напихал или лечебного мха», – съязвил он, отправляя в рот большую ложку душистого домашнего масла. Шура хранил выжидательное, убаюкивающее молчание, улыбаясь одними глазами. Масло, правда, издавало тонкий и тягучий домашний аромат. Лантаров подумал, что такие солнечные запахи невозможно обнаружить в пластиковых бутылках, купленных в сверкающих натертыми зеркальными поверхностями безжизненных маркетах. Там, где доминирует геометрия и симметрия, остается слишком мало живой природы. Когда же через десять минут активного перекачивания масляного пузыря во рту Лантаров сплюнул, он нешуточно удивился: на дно подставленного Шурой ведра хлюпнулся пугающий своим видом сгусток, внешне похожий на гной. Шура же немедленно объяснил, что такое очищение полости рта позволяет маслу поглощать шлаки и всякие отходы организма, когда оно попадает под язык, где находятся крупные кровеносные сосуды. Увиденное произвело впечатление, и Лантаров с меньшими колебаниями согласился на чистку поверхности языка кусочком согнутой стальной проволоочки, расплющенной посередине. Превозмогая рвотный рефлекс, он старательно извлекал наружу белый, слизкий налет и дивился, что в его-то двадцать пять лет в разных уголках организма скапливается столько неприятных отходов. «Если во мне столько грязи, то как же жил до этого? И как живут те люди, которые вообще никогда в жизни не проделывали подобных процедур?» – недоуменно задавал он себе вопросы, рассматривая в зеркальце вычищенный, но все еще белый язык.

Но он верил тому, что видел. А вот операции с телом или сознанием, которые выходили за пределы физического, и результаты которых не были видны тотчас, казались непонятными вредными абстракциями. То, что не мог охватить ум, тотчас отвергалось как несостоятельное, свойственное бабушкиным сказкам, волшебство. Предложенные Шурой очистительные практики он назвал глупым обезьяньим кривлянием. Ему совсем непонятны были ни техника, ни назначение непрерывного пристального взглядывания в точку концентрации – спокойное пламя горящей свечи. И бесстрастные наставления Шуры, будто такая концентрация активизирует внутренний потенциал и даже незаметно поглощает его ум, оставались для ученика не более чем словами, облаченными в вычурную рамку. Правда, пламя свечи так въелось в его сознание за минуту взглядывания, что, когда потекли слезы и он закрыл натруженные глаза, внутреннее зрение продолжало отображать огонь на внутренних поверхностях век, оставляя его могучий отпечаток в мозгу. Этот феномен действовал подобно наваждению и придавал такое же спокойствие, которым обладало само пламя. Когда он пожаловался на ощущения учителю, тот щедро похвалил его за усердие, заметив, что эта практика направлена на незаметное измене-

ние многих физиологических и ментальных функций организма. Шура назвал ее истребителем депрессии и беспокойства и добавил, что она воздействует на аджна чакру и на мозг, развивает концентрацию и умиряет колебания ума.

– Но если она такая ценная, почему ее не прописывают врачи в поликлиниках? – удивился Лантаров.

Шура засмеялся:

– Во-первых, врачи мало что понимают в таких делах – в университетах их учили устранять болезни, тогда как эта и другие подобные практики касаются всего организма. Во-вторых, какой прок врачам от бесплатной процедуры, им желательно, чтобы пациент раскошелится, купил гору таблеток, согласился на дальнейшую оплату услуг врача. Наконец, в-третьих, все эти практики – не для обычного ленивого человека. Они предназначены сильным духом, которые хотят быть здоровыми. А еще к этому можно добавить, что древние мудрецы не бросались рецептами, а держали их в строгом секрете, передавая только от учителя к ученикам.

Еще меньше смысла было в другой идее лесного мастера. Он заставил ученика закрыть глаза указательными пальцами, плотно зажать уши большими, поместить средние на крылья носа, а безымянным и мизинцем фиксировать уголки рта. И затем в этом замысловатом положении производить звуки, подобные жужжанию пчелы. Лантаров, полагая, что это идиотический культ, извлеченный Шурой из какого-то туземного племени, отказывался выполнять упражнение, пока Шура детально не разъяснил ему, что это специальная техника для массажа эндокринных желез с помощью вибрации. Поджав губы, ученик подчинился, так и не сумев проникнуться уважением к действиям, которые производил.

– Я не могу понять, как, каким образом это все может мне помочь? – сказал как-то в сердцах Лантаров после очередной сомнительной процедуры.

– Каждая, отдельно взятая практика не принесет феерического эффекта, – неожиданно согласился Шура и с мягкой полуулыбкой продолжил: – Они ценны, когда используются в комплексе, вместе с другими, не менее ценными вещами. Вместе с физическими и дыхательными упражнениями, правильным питанием это будет называться образом жизни. За изменением же образа жизни неминуемо последует фундаментальный сдвиг сознания. И человек, ставший на такой путь, меняется незаметно, но основательно. Нужны воля и терпение, которых обычно людям не хватает. Организм – это нечто цельное, сотканное из той же материи, что и Вселенная. Только понимание этого может привести к здоровью и гармонии.

– Но если я не хочу меняться полностью, а хочу только, чтобы мои кости хорошо срослись? Если меня воротит от гармонии – я желаю только начать ходить! – Такие слова сами собой часто вырывались у Лантарова. Вот и теперь он выпалил их, а затем закусил губу и отвел взгляд. Ему было просто неприятно, непривычно что-либо делать напряженно, прикладывая усилия.

Шура в ответ только пожал плечами, как человек, который сказал все и которому нечего добавить для переубеждения.

Но некоторые другие идеи лесного жителя вызывали у горожанина приливы непритворного, восторженного умиления. Так, он немедленно полюбил растирания всего тела оливковым маслом каждый второй день, выполняя незамысловатую процедуру до тех пор, пока масло благодаря растираниям Шуры дивным образом не впитывалось в его кожу, не оставляя следов жира. Эффект оказался почти волшебным. Так, уже к четвертому массажу больной стал забывать о мучивших его в больнице пролежнях, невольно сосредоточивая внимание на горячих, точно нагретых печью, руках отшельника. Его сильные узловатые руки и в самом деле проделывали чудеса: как огненные шары, они перекачивались по телу, разжигая энергию на больных участках кожи и передавая тепло прямо в больные кости. После десятка таких втираний Лантаров заметил, что кожа стала меняться на глазах, приобретая шелковистость и упругость, какая бывает у здорового человека. Что касается самого Шуры, то он умело и упорно растирал себя

сам и только иногда подставлял ученику спину. Лантаров же, натирая ее, дивился: никогда ему не приходилось касаться руками такой твердой и одновременно гибкой спины, сплошь состоящей из десятков трепещущих под эластичной кожей мышц. Естественный запах, исходящий от его смуглой и в то же время будто излучающей свечение кожи, вовсе не казался запахом немытого дикаря, как он почему-то ожидал. То был запах здорового, натруженного, привыкшего к физическим нагрузкам мужского тела, не имеющего изъянов. Лантаров был в некоторой степени ошарашен: тело Шуры, который был едва ли не в два раза старше его, казалось более живым, тренированным и молодым, чем у него. С любопытством рассмотрел наколки вблизи. Рисунки на теле отнюдь не были верхом мастерства художника, скорее, неумело и коряво намалеванные. Но они несли тревожную, полную интриг загадку его прежней, явно сумбурной жизни. Особенно наколка на левом плече, где под мрачным символом в виде парашюта и двух перекрещенных, взмывающих ввысь самолетов красовалась надпись «ВДВ». Вместе с группой крови под грудью и десантником на другом плече она выдавала былой юношеский фанатизм и приоткрывала завесу, по всей видимости, одной из самых сокровенных тайн затворника. Сначала Лантаров хотел расспросить Шуру, но затем сдержался – ему пришло в голову, что это может быть неприятно или слишком лично. И он отложил вопросы до более благоприятных времен.

С первых дней появления горожанина в лесу неунывающий Робинзон стал незаметно менять и рацион питания, все чаще выкладывая на стол тщательно высушенные фрукты, разнообразные виды орехов и семян. Слегка оторопевший гость сначала безропотно поглощал предложенное, найдя некоторые сочетания даже довольно вкусными. Например, кедровые орехи с изюмом или грецкие орехи с медом показались ему непознанным ранее деликатесом. Но вот наличие в блюдах семян льна, или кунжута, или, тем более, сырых семечек подсолнуха он понять и оценить не мог. Варить же хозяин теперь брался лишь рис, гречку и фасоль. Иногда извлекал из погреба картофель и капусту. Шура обыкновенно предлагал к блюдам еще самостоятельно сделанную, довольно сочную и сытную брынзу без соли или отварные грибы, всякий раз приговаривая с хрипотцой свое «Чудно, чудно!»

– Слушай, Шура, что это за стол у тебя такой диковинный? Ты запросто мог бы открыть в Киеве экстравагантный ресторан. Названия «Джунгли» или «Хижина дяди Тома» подошли бы сполна. – Лантаров попытался в полусхотливой форме прозондировать перспективы этой затерянной в дебрях харчевни.

Но, похоже, у Шуры с чувством юмора оказалось туговато. Он как раз расставлял тарелки и ответил в своем привычном стиле, который Лантаров про себя прозвал разговором улыбочивого удава.

– Разве ты не знаешь, что мы сами становимся тем, что мы едим, – это очень древняя, но вполне справедливая мысль. Думаешь, люди, жившие здоровыми без докторов по сотне лет, питались шоколадными батончиками?

– Не уверен относительно батончиков, но мясо и сыр они ели наверняка, и я бы тоже не отказался, – парировал несговорчивый гость.

Шура в ответ на выпад Кирилла начал медленную, хорошо продуманную осаду.

– У людей все, как и у животных – они очень разные. И потому одни здоровы, а другие болеют, не догадываясь о причинах своих недугов. А у всякого живого существа физическое и психическое состояние есть результат самого простого и одновременно самого важного – образа жизни. Понаблюдай за животными. Знатоки аюрведы – древнего учения о счастливой и здоровой жизни – любят вспоминать слона, тигра и шакала. Слона считают наиболее уравновешенным и, пожалуй, одним из наиболее умных представителей животного мира. Его, кстати, называют *саттвичным*, то есть сбалансированным и гармоничным существом, живущим в благодати. Он принимает только свежую вегетарианскую пищу, что не мешает ему быть сильным и независимым, но в то же время добрым и готовым сотрудничать с теми же людьми.

А вот тигр, рвущий плоть убитых жертв, почти всегда беспокойный и нервный, агрессией он и себя доводит до исступления. Вряд ли он гармоничен, и мудрые наблюдатели называют его способ жизни проявлением так называемого *раджаса*, или бешеной страсти, суетливого движения. Шакал же, питающийся остатками и падалью, боязливое и по-своему несчастное животное, ведущее ночной, неестественный для большинства природных существ образ жизни. И говорят, что это проявление *тамаса* – невежества и инерции. Конечно, сама природа устроена совершенно, и в какой-то степени эти животные уравнивают друг друга, исполняя важные роли в поддержании глобальной экологии. Но одновременно они открывают нам, людям, некоторые законы и принципы. Святые и мудрецы, кстати, пользовались ими издавна. Вспомни хотя бы Иисуса Христа, говорившего, что если вы убиваете свою пищу, то эта мертвая пища убьет вас. Пифагор, Плутарх, Эпикур, Леонардо да Винчи никогда не ели мяса. Будда и Конфуций, Магомед и Далай-лама всех инкарнаций выступали за вегетарианство. Разве этого мало? История повторяется в своих циклах, да и в приходах духовных проводников.

Все эти слова очень слабо доходили до Лантарова, а перечень имен казался пустым сплетением случайных звуков – кое-кого из названных людей он не знал и не желал знать. Он не только еще не свыкся с новым положением, но и совершенно не мог понять, как все эти пространственные разговоры об изменении мышления могут чудесным образом повлиять на его жизнь и улучшить состояние здоровья. И из-за того, что идеи Шуры представлялись не более чем сладкими иллюзиями, ему хотелось бунтовать, выступать против, подвергать сомнению все услышанное.

– И что, все это важно для того, чтобы превратиться в мудреца и прожить сто лет? – Лантаров с ехидцей прищурился, пытаясь подловить оратора на главном – основной цели его образа жизни. В глубинах его подсознания из зерна праздного любопытства вызревала одна провокационная мысль: а нельзя ли как-то вывести из себя этого Шуру? «Уж больно он невозмутим. Действительно ли он стоик или только хочет таким казаться, искусно играя придуманную себе роль? Надо бы прощупать его на вшивость», – так он думал, исподволь разглядывая светлое невозмутимое лицо собеседника. Не заиграют ли на нем желваки, не прорвется ли тонкая кожа притворства?

– Все нет, – не меняя экспрессии, ответил Шура, – речь всего лишь о качестве жизни. Не важно количество твоих лет, важно лишь их наполнение, содержание. И что остается после тебя.

– Боюсь, что мне такая теория подвигов не подходит. Я считаю, что качество жизни есть то, что тебя конкретно заводит. От чего ты балдеешь, и от чего тебя плющит так, что ты тарелкой становишься. А так, как ты рассуждаешь... Ну, кучу всего успеешь. А выяснится, что эти твои «дела» никому-то и не нужны. А перед смертью даже вспомнить нечего...

Шура пожал плечами, показывая, что они находятся на разных полюсах.

– Все, что ты делаешь, нужно только тебе и никому больше. Ну а что касается качества жизни, так ты ведь не станешь возражать, что жизнь всякого больного человека нельзя назвать качественной? Больной человек проводит время в борьбе с болью и мучительными переживаниями. Тогда как здоровый человек способен совершить много полезного и для собственной личности, и для окружающих. А уж от этого можно отталкиваться – дальше, после того как человек становится здоровым, он сам и решает, как ему распорядиться своей жизнью.

– Да уж, бесспорный аргумент, – согласился Лантаров, вспомнив свое ужасное положение в убойной палате, трехмесячное лежание почти без движения в мрачной дымке своих тревог. – Ради того, чтобы забыть о больнице и болезни, я готов потерпеть без мяса. Хотя, откровенно говоря, я бы от сытной котлеты или жирного свиного шашлыка с кетчупом не отказался бы.

– Хорошо, – неожиданно с улыбкой согласился Шура, – я тут скоро собираюсь к Евсеевне по делам, так что мяса для шашлыка я раздобуду.

Лантаров промолчал, не зная, как реагировать.

Наконец настало время, когда Шура показал ему свою комнату, которую почему-то называл залом откровений. Лантаров и сам мог бы заглянуть туда во время отсутствия хозяина, но постеснялся. В нем в равных пропорциях возростало уважение к этому странному человеку и непонимание вычурных правил его жизни. Через неделю пребывания в лесной, как он называл, келье Лантаров уже мог перемещаться по дому на костылях, не рискуя упасть, но еще опасаясь полностью стать на ноги. Выглянуть на улицу он тоже не решался. В последние дни похолодало, а теплой одежды у него не было вообще – носил он предложенный хозяином дома свитер и спортивного типа брюки. Кроме того, он опасался, что реакция на него Тёмы может оказаться неадекватной – мохнатый теленок с громадными клыками, упрямым взглядом казался ему непредсказуемым зверем, частью пугающего, заметенного снегом леса.

Комната Шуры поразила гостя еще больше, чем другие помещения этого необычного жилища – она походила на место для какого-то туземного таинства. Он ожидал увидеть в ней все, что угодно, только не вызывающую пустоту. Она была крохотная, приблизительно три метра длиной и столько же шириной. В одном углу стоял единственный предмет мебели – маленькая табуретка с какими-то сосудами из желтого металла на ней – они походили на глиняные горшки, в которых сельские бабушки размельчают деревянной палочкой ингредиенты для изысканных блюд. В другом углу прямо на полу лежало несколько свертков и подушек, какие иногда можно обнаружить на диване. «Не хватает еще только барабана и бубна, – подумал гость с сожалением, – а я-то думал...» Большие окна с двух сторон впускали так много света, что с непривычки Лантаров даже поморщился. На стенах рядом с окнами и около входной двери висели уже привычные глазу плакаты с надписями и какие-то замысловатые рисунки с непонятными геометрическими конструкциями и симметрично расположенными дольками, похожими на листья загадочных цветов. А вот еще одна стена, которая была напротив двери, оказалась сплошь покрыта зеркалом. Лантаров опешил, увидев в зеркале вопиющую, душевраздирающую фигуру инвалида, глубоко усадившего свои подмышки на симметрично поставленные костыли. «Неужели я успел превратиться в карикатуру на человека? Я! Тот человек, который испытал всю полноту жизни, умел легко, играючи управляться с бурным течением столичной жизни. Во что же я превратился? В кусок скрюченной проволоки с человеческой головой», – так думал он, глядя на себя в зеркало, и потоки ярких картин успешной жизни пронеслись перед его застывшим взором. Он всматривался в свои запавшие, ожесточенные глаза, точно престарелый чемпион, взгляд которого случайно наткнулся на медали – свидетельства былой славы, усугубляющие горечь теперешней немощи.

– Ну что, позанимаемся немного?

Голос Шуры, показавшийся еще более хриплым, чем обычно, оторвал его от размышлений. Смысл слов не сразу дошел до его помутневшего сознания, похожего на компьютер, запущенный на перезагрузку. Когда же парень понял крамольный вопрос, глаза его еще больше округлились, и возникло непреодолимое желание огреть стоявшего человека костылем.

– Не переживай, ничего страшного не произойдет, – успокоил Шура, который, вероятно, понял смуту в душе своего подопечного, – ты ведь сидишь за столом. Так что давай попробуем посидеть тут.

И с этими словами Шура прошел в угол комнаты и взял несколько плотных подушек и валиков разных размеров.

– Ты уверен, что это мне нужно? – неуверенно и робко спросил Лантаров, – мы ничего не повредим? Может, мы попробуем сделать это завтра?

– Завтра всегда останется в будущем и никогда не наступит. Для многих людей даже маленькое действие оказывается невозможным из-за этого. Но все, что мы должны совершить в жизни, мы должны сделать сегодня.

После этих слов Шура стал укладывать подушки. Затем он осторожно усадил молодого друга на вымощенное ими место так, что тот опирался на стену практически ровной спиной. Устраивая больного, он несколько раз заботливо осведомлялся, уютно и не больно ли ему.

– Помнишь, Кирюша, я говорил тебе о четырех краеугольных условиях исцеления? – Шура опустился рядом с Лантаровым на корточки и потирал руки.

В ответ молодой человек только промычал что-то невнятное. Положение тела было для него непривычным, и он напряженно ожидал появления боли.

– Тогда я повторяюсь. – Шура произносил слова медленно и спокойно, глядя Лантарову прямо в глаза. – Это очень важно, потому что настоящий эффект от тех или иных действий будет лишь тогда, когда у тебя появятся глубокая вера и четкое намерение. Они же – плоды знаний. Итак, во-первых, мы должны правильно питаться и уже встали на этот путь. Во-вторых, мы должны позитивно мыслить и постепенно приближаемся к этому.

Лантаров неожиданно застонал не столько от боли, сколько от ее предчувствия, и стал сползать вправо по стене.

– Тебе больно?

– Да нет, – промычал Лантаров напряженно, – как-то мне неприятно и непривычно – я не могу удержать свое тело.

Шура неспешно и осторожно возвратил его туловище на прежнее место и продолжил тем же спокойным, убедительным тоном:

– В-третьих, мы должны двигаться, обеспечивая здоровую жизнь нашего тела и правильную циркуляцию энергии в нем. Пока мы отодвигаем этот важнейший принцип, но ведем активную подготовку к его внедрению. И наконец, в-четвертых, мы должны правильно дышать, насыщая тело праной.

«Чем-чем?» – хотел было спросить Лантаров, уловивший только последнее слово, но промолчал. Ему требовалось немало усилий, чтобы сидеть в одном положении. Шура же продолжал объяснять:

– Дыхание связывает невидимой нитью наше биологическое тело и духовную природу. И дыхание, которое мы будем практиковать, называется пранаяма. Оно воздействует на наши эфирное и астральное тела. Вообще-то, регулярное использование таких упражнений позволит развить способности интеллекта к концентрации, а это крайне важно для нашего дальнейшего продвижения к здоровью...

«Ну и туманно же он выражается», – мелькнуло у Лантарова, который постепенно и даже незаметно для самого себя настраивался на волну Шуры, все чаще воспринимая его как наставника.

Прошло не менее часа, прежде чем с помощью Шуры Лантаров освоил несколько на первый взгляд нехитрых дыхательных упражнений. Сначала Шура учил его ритмично выталкивать порции воздуха через нос посредством резкого напряжения живота, приговаривая, что это шикарный гидравлический массаж мозга, который он проделывает изнутри.

– Кирилл, это одна из основополагающих очистительных практик тела, – объяснял ему Шура по ходу обучения, – из тех, что мы уже с тобой начали изучать раньше. Помнишь трахаку? А эта называется капалабхати. Хотя можешь не запоминать – это не столь важно. Если она выполняется правильно, то способна менять даже наше эмоциональное состояние, настроение.

Лантаров хотел спросить как, но Шура опередил его.

– Дыхание – это наш природный барометр. В стрессовом состоянии у нас «перехватывает дыхание», а когда мы умиляемся от счастья, то наоборот, дышим легко, ровно и глубоко. Так вот, возможен и обратный процесс. Мы контролируем дыхание, концентрируемся на определенных способах и получаем совершенно ожидаемое состояние сознания.

Затем Шура показал, как правильно выполнять упражнение под названием «Кузнечные меха», когда надо было предельно быстро вдыхать воздух носом и так же быстро выды-

хоть. У ученика очень быстро закружилась голова, потемнело в глазах, и он потерял бы сознание, если бы Шура не остановил его. Затем дошли до задержки дыхания на вдохе, выполнив лишь несколько коротких попыток. Наконец учитель заставил вообразить себя живым акустическим резонатором и с закрытым ртом пропеть несколько раз звуки «А», «О», «У» и «М». У Лантарова ничего не выходило, кроме болезненного дребезжания и щекотания в гортани. Ему это упражнение особенно не нравилось из-за несвойственного напряжения и возникновения от вибраций внутри отвратительных ощущений. Но Шура мягко настаивал и уговаривал его пробовать ради возвращения телу былого здоровья. Учитель и сам много раз повторял звуки, утверждая, что таким образом производится важный вибрационный массаж эндокринных желез. Лантаров же от этих внешне простых наставлений и упражнений совершенно выбился из сил; ему было лень напрягать тело, не нравилось производить любые усилия, и совсем уж выводило из себя мучительное повторение чего-либо. С куда большим удовольствием он наглотался бы горьких таблеток и откинулся бы на мягкой кровати без движений. Но тут, в лесу, определенную стимулирующую роль играло то, что не было нигде мягкой кровати, не было других людей и вообще не было никаких отвлекающих событий, которые были бы способны переключить его внимание на какой-либо предмет. Шура же в такие моменты становился непреклонен, и больной выполнял все указания механически, не признавая, правда, что эти упражнения способны как-то помочь ему. Они казались ему не столько мистикой, сколько выдумкой полоумных дикарей.

Наконец на лице Шуры отразилось удовлетворение проделанной работой, и он похвалил выдержанного ученика.

– Просто чудно! Ты замечательно выполнил дыхательные упражнения. И скоро сам заметишь их эффект.

– Да ну, – отмахнулся Лантаров, – ерунда это какая-то. Ума не приложу, какая польза может быть от этой дурни.

– Не скажи, – решительно не согласился Шура, – при помощи пранаям наша энергетическая конструкция как бы закрепляется, становится нерушимой. Мы учимся контролировать дыхание, а приобретаем уникальный бонус – способность контролировать эмоциональное состояние, концентрировать мозг. Но, конечно, если ты не будешь относиться к делу с предельной верой в его ценность, для целебного действия потребуется в два раза больше времени.

– А почему ты называешь это пранаямой? И еще ты сказал: «Насыщать тело праной»...

– Ага, – обрадованно воскликнул Шура и с энтузиазмом сжал поднятый на уровне плеча кулак, как боксер перед рингом, – запомнил! То-то же! И в пассивном режиме информация закрепляется в голове.

Отшельник впервые за этот день ласково улыбнулся молодому другу и стал объяснять так увлеченно и проникновенно, что и Лантаров заслушался. Он не верил, но все это звучало, как хитроумная сказочка для взрослых, и даже напряжение и тупая боль внизу застывшей спины куда-то улетучилась.

– Смотри, Кирюша. Великий Творец, можешь называть его Богом или Природой, окружил человеческую душу тремя оболочками. Первая – идея, ее мудрецы называют каузальным телом. Вторая – тонкое астральное тело – в нем как раз расположена и «живет» наша ментальная и эмоциональная система. И наконец, грубое физическое тело – то, что мы ощущаем, можем видеть и потрогать руками. Так вот астральное тело – это и есть наша прана, жизнетроны. То есть, атомы и электроны, которые заряжены нашим намерением, мыслью. Вот почему мудрецы окрестили прану творческой жизнетронной силой, называя ее разумной энергией – в отличие от слепых атомов.

– Хммм, – Лантаров покачал головой, не зная, как реагировать на сказанное, – а откуда у тебя такая вера в то, что это правда?

– Я прочитал это во многих книгах разных авторов, которые жили в разные времена. Все они говорят об одном и том же. Самое интересное, что мудрецы Востока утверждают то же самое, что святые западной культуры. А о пранаяме один восточный мудрец по имени Патанджали написал еще приблизительно за четыреста лет до рождения Христа. И он обозначил ее как один из восьми элементов йоги – универсальной системы, с которой я хочу тебя познакомиться чуть позже. Когда позволит твое физическое состояние.

Лантаров промолчал, не зная, что сказать – его аргументы исчерпались.

– Я бы, возможно, не проникся такой нерушимой верой, – добавил на всякий случай Шура, – если бы на себе не убедился, что все это действует. Отменно! Безотказно, как часовой механизм! Как самый справедливый закон жизни!

Лантаров не мог не признать, что предложенная система Шуры приносит результаты. Ему становилось легче с каждым днем. Шура как-то сказал ему:

– Однажды, когда я сильно болел, то вычитал такое правило, которое взял за основу. Оно гласит: «Работай усердно, и произойдет очищение. Не нужно привносить свет, он раскроется внутри тебя». И мне это правило помогло выжить.

Лантаров сначала позабыл об этом правиле, но позже, в один из дней, когда они вместе с Шурой выполняли дыхательные упражнения в специальной комнате, его взгляд наткнулся именно на эти слова на одном из плакатов. Ниже стояла краткая подпись: «Свами Шивананда».

6

«Качество жизни, качество жизни... Тьфу... Слова какие-то туманные. Кто скажет, что у меня не было качества жизни?! Да оно было на порядок круче, чем у этого снежного человека! Кому, ну, кому нужно это монашество? Пещерный аскетизм в качестве масла на бутерброд? А за этим аскетизмом скрывается непроглядная дремучесть и тупой отказ от жизни. Разве это его качество и стремление быть вечно молодым могут сравниться хотя бы с одним днем моего качества? Да никогда! Уж лучше прожить год на всю катушку, чем пятьдесят в пещере», – так думал Лантаров, оставшись один в заметенной снегом хижине.

Шура целый час в монотонном темпе, без минуты отдыха, как маленький, живой экскаватор, работал с лопатой, чтобы обеспечить выезд машине – какое-то неотложное дело возникло у него за пределами лесного царства. Краем уха Лантаров слышал, что Евсеевна попросила его приехать. Затем Кирилл долго наблюдал за его работой из окна, не переставая думать о том, что совершенно не понимает этого нелюдима. И, скорее всего, никогда не поймет. А этот Шура, наивный, думает, что поставит его на ноги и обретет ученика или апологета своего невнятного учения. Нет, это какое-то искусство для отмороженных. Для чудаков, которым подходит это заузное и ненатуральное, как говорит Шура, философско-созерцательное отношение к жизни. Все эти древние, крестьянские мысли о натуральном хозяйстве, пчелах, лохматой собаке, деревьях, речке с кристально чистой водой неподалеку и какой-то античной Евсеевной не вызвали у него ни энтузиазма, ни живого интереса, когда об этом заговаривал Шура. Это был другой, неведомый и пугающий пустотой и тишиной, тошнотворный мир. Шура радовался обширному пространству, убеждая, что он хозяин и этого леса, и неба, и звезд, у него же, Лантарова, это пространство вызывало лишь недоверие и страх. Тишина, которую боготворил Шура, выводила его из себя или ввергала в жуткое оцепенение.

Да, он уже признавал благотворное воздействие чистого воздуха, целебные свойства многих предложенных лесным жителем упражнений. «Смотри, как спокойно и размеренно, по часам Вселенной, течет тут время. Когда ты увидишь, как изменяется одна только природа, понаблюдаешь за ней, будто в замочную скважину, тогда осознаешь совершенство мира и его Творца, примешь мысль, что нет на самом деле ни времени, ни пространства», – говорил ему Шура с такой одухотворенной улыбкой, словно каждая клеточка его души улыбалась. А вот

Кириллу в это время приходили крамольные, стрекочущие, как назойливые кузнечики, мысли, что он теряет дни и месяцы. У него возникали видения совсем иного плана: мерещилось вульгарно двигающееся женское тело, запахи дорогого виски и импортных сигарет, звуки набирающей скорость машины. Ему даже киевский смрад центральных асфальтовых артерий был дороже и ближе этого бесконечно мрачного одинокого леса. «Превратился в настоящего оборванца, быка колхозного. А нормальные пацаны в это время тусуются, потягивают дорогой коньячок и обнимают роскошных баб, разъезжают на шикарных тачках по Киеву, и в карманах у них совсем не пусто», – кружилось у Лантарова в голове, пока Шура толковал о пользе чистого сознания.

И все-таки, не все ментальные инъекции егеря пролетели мимо сознания Лантарова. Какой-то частью себя, вероятно, той, что оставалась закованной в звенящие цепи недуга, он чувствовал, что непостижимый обитатель лесного царства познал нечто такое, что ему не открывается. И что преодолел он притяжение тех земных стереотипов, которые еще цепко удерживают его, Лантарова. Былой городской гуляка даже готов был признать, что где-то завидует этому мировоззрению, но принять его не мог. Он ощущал, что в его юной голове стали происходить первые тектонические сдвиги и действие их заключалось в изменении отношения к некоторым воспоминаниям. Как если бы кто-то рассеивал былой фокус внимания и наводил новый, обращая внимание на иные детали, которые раньше казались не важными.

7

Чем больше Лантаров наблюдал за лесным чародеем, чем больше вникал в его ненаучную, противоречивую космологию и становился невольным участником аскетических монашеских ритуалов, тем более попадал под магическое обаяние тайны. Он не понимал механизма воздействия на человека этой подозрительной системы, декорируемой заманчивыми философскими лозунгами и языческими атрибутами. Но городского жителя Шура впечатлял все больше, он эпатировал своей небывалой, неземной умиротворенностью, извечной сосредоточенностью на непостижимых вещах и какой-то непрошибаемой отстраненностью от всего материализованного мира. Ошеломленный, Лантаров нехотя вынужден был признать: этот механизм работает! Это походило на действие ультразвука, высокочастотные колебания которого он не улавливал, зато мог видеть результат. Порой ему казалось, что Шура постиг некие священные таинства, секреты древних волхвов и не только чувствовал их природу, но владел в совершенстве каким-то упоительным волшебством, скрытым от всех окружающих.

В Лантарове по-прежнему боролись два противоборствующих ощущения. Находясь с Шурой, он поддавался его мягкому, источаемому открытым сердцем воздействию. Но, оставаясь наедине с собой, он умирал от скуки, маялся, не в силах заставить себя делать что-то полезное. Несколько раз в день он брал в руки то одну, то другую книгу, но уже через несколько минут ловил себя на отсутствии всякой мысли при механическом, машинальном движении глаз по тонким, нескончаемым цепочкам из букв. Случалось, он часами тоскливо глядел в окно, наблюдая, как клыкастый охранник степенно бродит по двору, обнюхивает всякие предметы, лижет снег или просто лежит на нем, тускло глядя в пространство. Однажды, когда Тёма намеревался вырыть яму, он, вспомнив, как ругал собаку за такие проделки Шура, грозно постучал в окно и пожурил его пальцем. Пес остановился, внимательно и пытливо взглянул человеку прямо в глаза, отчего Лантарову стало не по себе: животное всматривалось угрюмо и тяжело-весно, подобно наглому, подвыпившему босяку на вокзале. Затем, что-то заключив для себя, продолжило рытье, уже не обращая никакого внимания на человека. Иногда Лантаров брал на руки кота и гладил внешне податливое, но неприручаемое животное, рассматривая его или дергая за усы, пока оно, улучив момент, не сбегало. Казалось, в кота встроен уникальный механизм, благодаря которому он только созерцает мир, контактируя с ним как можно меньше.

Порой Лантарову мерещилось, что кот, взирающий тусклым, немного насмешливым взглядом, смотрит на него из иного мира. И этим он был схож с Шурой. Лантаров впервые открыл для себя мир животных – параллельный, не пересекающийся с человеческим. Когда он наблюдал, как неподвижно застывший, превратившийся в плюшевую игрушку кот расслабленно и беззаботно сидел на подоконнике, с проказливо-пытливым выражением созерцал происходящее за окном, он готов был поклясться, что у животного есть душа.

Шура был непрестанно чем-то занят. У него всегда были планы на весь день, но выполнял он их не спеша, со спокойным пристрастием, достойным Диогена, как известно, способного с одинаковым упоением загорать на солнце и сочинять трактат «О добродетели». Казалось, ничто в мире не беспокоит Шуру и не может оторвать его от размеренного движения в неведомом Лантарову направлении. Когда он находился в доме, то либо занимался в своей маленькой комнатке, либо писал и читал, сидя за столом, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Поражал Шура и невиданным здоровьем. Однажды ранним утром, когда Лантаров отправился в уборную и заметил, что Шура не спит, он заглянул в маленькую комнатку и оторопел: при свете свечи хозяин дома неопишуемым образом закинул обе ноги за голову и стоял на полу на одних руках. Похожий на большого, уродливого паука человеческих размеров, он напряженно и все-таки спокойно дышал глубокими и протяжными вдохами и выдохами. Лицо у занимающегося оставалось непроницаемым, как будто он натянул на себя маску из китайского театра. Только через полминуты Шура беззвучно расплелся и принял нормальный облик. После чего совершенно безмятежно, будто только что проснулся, произнес своим хрипловатым, приветливым голосом:

– Привет! Присоединяйся!

– Да ну, – отмахнулся Лантаров, – что ж я буду тут делать со своими костылями?

– Подышим, – сказал Шура просто, но затем, подумав, добавил: – Это напрямую связано с твоим исцелением.

«Как это может быть связано с моим исцелением? Бред какой-то...» – подумал Лантаров раздраженно.

– Нет, я уж лучше попозже. Еще не проснулся. – И с этими словами он собрался тихо ретироваться, но вдруг разглядел в полутьме сидящего рядом кота. Он чуть не присвистнул.

Тусклый, бледный свет свечи выхватывал из полумрака только контуры животного – кот казался вычурно нереальным существом, демоном, выплывшим из потустороннего мира поглазеть на этого чудаковатого обитателя.

– А кот-то тут зачем? – не удержался Лантаров.

– Ждет завтрака, – засмеялся хозяин дома. – Гипнотизирует меня своим присутствием.

И, ты знаешь, я со временем сдаюсь...

И Шура, как ни в чем не бывало, продолжил свои занятия, начав завязывать в узел свои конечности.

Сначала Лантаров полагал, будто Шура ведет праздный образ жизни, занимаясь лишь собой, подчиняя жизнь своему незыблемому правилу, всему тому, что он называл: «укреплением духа и тела» и «развитием сознания». Он, правда, давно заметил, что хозяин дома каждое утро систематически садится за письменный стол и что-то почти непрерывно записывает в толстую тетрадь. Или просто читает, то и дело что-то пометая в книге цветными карандашами или выписывая из нее в разные, такие же увесистые, как и тетрадь, блокноты. Когда за ужином он невзначай спросил его об этом, выражение лица Шуры на мгновение показалось озадаченным, а затем он с улыбкой стал рассказывать. Оказалось, что он официально работает в лесничестве, занимаясь чисткой леса, подкормкой местной живности, засадкой вырубок и прочими задачами лесного хозяйства. Он, правда, тут же добавил, что принципиально не принимает участия в организации охоты, считая убийство беззащитных животных самым постыдным для человека делом. Попутно же занимается выращиванием хвойных деревьев, которые пользует

ются хорошим спросом у владельцев домов и приусадебных участков – у Шуры с некоторых пор уже целое зеленое хозяйство. А еще выступает помощником Евсеевны, которая знает толк в разведении цветов и содержит солидную пасеку, получив лицензию на производство редких, ценных и довольно дорогостоящих продуктов.

– Так у тебя, выходит, тут доходное предприятие? – по-деловому заметил Лантаров, уже готовясь подсчитать прибыли своего товарища. Не из зависти, а из чистого любопытства, по машинальной привычке, которая развилась у него от долгого общения с дельцами.

Шура добродушно усмехнулся.

– Могло бы быть доходным, – охотно объяснил он, – но я не бизнесмен. Не люблю работать ради денег. Только ради удовольствия. Знаешь, как приятно наблюдать, как к нашему двору, возле которого я соорудил место прикорма, вплотную подходят олени...

Но Лантаров увлекся подсчетами и перебил говорившего. Олени ему были неинтересны.

– Слушай, но все равно, ты ведь легко мог бы купить компьютер, телевизор, стиралку, чтобы не маяться стиркой вручную... Верно? У тебя хватило бы денег?

Лантаров сам не замечал, как загорались его глаза при одной мысли о деньгах. Он заметил, что Шура сказал «к нашему двору», но эта фраза тотчас улетела куда-то в подсознание, тогда как слово «деньги» породило уйму доминирующих ассоциаций.

Шура же, напротив, тотчас сник, когда понял, что рассказы о природе и животных так далеки от восприятия этого молодого человека, как звезды от планеты Земля.

– Да, мог бы, – ответил он просто, – но зачем мне это? Холодильник – согласен, летом бывает полезен, сохраняя мое время. Да и то, сказать честно, он мне почти не нужен – я купил его только год тому. Не знал, куда потратиться, вот и прикупил, чтобы электрочайнику было тут не скучно. Но и сейчас холодильник мне больше мешает, ведь я не храню приготовленную пищу дольше одного дня. А летом вообще неделями не готовлю – всего свежего и зеленого предостаточно. Стиральная машина, может быть, мне и пригодилась бы. Но нужно проделать скважину для воды и провести ее в дом. Это отвлечет слишком много энергии. Кроме того, для стиралки необходимо использовать порошок, а я давно отказался от этого современного чуда. Как и от всякой синтетики – в пище, одежде и всем прочем. Ты, верно, заметил, что у меня даже посуда деревянная. А стирать я с солдатских времен привык руками – мылом и щеткой. Быстро, надежно и независимо от причуд техники. Телевизор и компьютер мне попросту не нужны – это лишние раздражители, которые делают мозг беспокойным, а жизнь – суетливой. Когда-то у меня был компьютер, да отдал его Евсеевне. А добрый молодец Владимир, сын Евсеевны, его запросто пропил... Сама жизнь подсказала, что мне такой аппарат не нужен.

Лантаров был озадачен этим добровольным отказом от благ цивилизации.

– Послушай, Шура, но тебе же надо как-то рекламировать свою продукцию – в интернете, например?

– Нет, – убежденно ответил отшельник, – совсем не нужно. Это уже было бы коммерцией и требовало бы усилий для расширения предприятия. И тогда бы не мое хозяйство работало на меня, а я – на него. Я бы находился в зависимости от спроса. А так я имею только необходимый минимум. Даже больше, как видишь – купил же холодильник, который мне в принципе не нужен.

– Но все равно, как ты успеваешь выполнять столько работ?

Шура потер ладонями и возвел глаза к потолку, как будто намеревался вычитать оттуда подсказку.

– Для начала – никуда не спешу. Не я для работы, а работа для меня – вот мое правило. Распределяю усилия, чтобы не уставать. Нельзя позволять загонять себя ради денег или мифических достижений. А работаю только для наслаждения. Приучил себя рано вставать, в половине пятого утра. И ложиться в восемь – половине девятого. Есть, правда, секрет. – Лантаров при этих словах приоткрыл рот и подался вперед, опершись руками о скамейку. Ответы при-

водили его в такое недоумение, что он даже забывал о боли и необходимости всегда думать о падающем положении своего тела. Шура же заговорил заговорщически, и молодой человек так и не понял, серьезно это сказано или в шутку. – Я выучил закон сохранения энергии, научился ее накапливать и рачительно использовать – не расплыться. Заметил – я утро использую исключительно для нематериального? Для размышления, получения знаний, записей. И никогда – для денег. А энергия – это, Кирилл, то добро, которого Бог каждому отмерил сполна. Но многие просто рассеивают ее в разные стороны, а затем падают, обессиленные. Но каждый человек обязательно должен трудиться, что-то производить полезное. Как говорится, делать богоугодные дела. Это, кстати, напрямую связано со здоровьем...

– Вот-вот, – подхватил Лантаров, – я, когда наблюдаю за тобой, думаю, что ты занимаешься исключительно своим здоровьем.

– Шутишь?! – у него на лице появилось слабое подобие удивления. – Разве можно жить только для здоровья? Это же форменный маразм! Абсолютно бессмысленно для разумного существа! Наоборот, это здоровье нам необходимо для жизни. Посмотри, как правильно организованы пчелы или муравьи – все их действия предельно сконцентрированы. Ну, а когда приходит час исчезнуть, они уходят молча и достойно. Людям следовало бы учиться у природы. А здоровью я уделяю время потому, что у меня с медициной нелады – привык полагаться на себя. Да и приятно чувствовать себя здоровым. И, главное, это необходимо для качественной реализации себя как развитой земной сущности.

– Это как? – Лантаров в недоумении сложил брови полумесяцем.

– Помнишь, я говорил тебе о миссии каждого земного обитателя. Фактически без миссии наше пребывание тут, в этом мире, не имеет смысла.

– А-а, – протянул Лантаров, – я-то вначале подумал, что ты удалился в лес... ммм... из протеста или... – тут Лантаров немного помедлил, – из вредности. Ну, чтобы создать какое-нибудь альтернативное учение о здоровье. Я слышал, был такой мужик нечесаный и босоногий, проповедовал, у меня соседка в эту секту ходила.

Шура громко и раскатисто рассмеялся, впервые так явно выражая эмоции.

– Ну и что ж, соседка? Оздоровилась?

– Да вряд ли... Чего-то там обливалась, да видно, мозги себе простудила... Помню, болела чем-то долго...

Шура вдруг посерьезнел, черты его лица стали ярко выраженными.

– На самом деле, все учения давно созданы. Еще пару-тройку тысячелетий тому назад. На долголетия мы с тобой уже вроде бы поставили точку: не важно, сколько ты, в конце концов, проживешь лет. На мировой системе координат какие-то сто лет отдельного человека – меньше точки. Важно – что ты в этой жизни успел сделать. Можно прожить тридцать три и оставить потомкам по себе божественный свет надежды, а можно дожить до восьмидесяти семи и дослужиться до генерала, как, к примеру, основатель и главный надсмотрщик сталинских гулаговских лагерей, не помню, как его... – Шура, скривившись, махнул рукой, а затем, сосредоточив лицо, добавил: – Но, можно вообще прожить жизнь растения...

– Ну да ладно, шут с ним, с лагерным. Первым ты, конечно, Иисуса вспомнил. Но ведь не всем выпало быть святыми!

– Что значит: выпало – не выпало?! Я такого слова не понимаю и не принимаю. Каждый из нас сам решает, чем жить, каким смыслом наполнить пребывание в мире. Вся наша жизнь – нескончаемая серия испытаний, возможностей и открывающихся шансов, результатом которых становится осознание и исполнение миссии. Правильно, не всем быть святыми. Но избрать созидательный путь, который указывает свободный, не скованный дурными стереотипами разум, можно всегда.

Лантарова подкупали откровенность и открытость, с которыми Шура вел с ним беседы. Он не позировал, не пытался выстроить из себя монументальную личность, и искренность

порождала совершенно новый уровень рассуждений. Он не боялся говорить все, что приходило в голову. И это располагало к дальнейшему разговору.

На следующий день, когда после позднего завтрака и полуторачасовой работы за столом Шура засобирился ехать к Евсеевне, Лантаров доковылял к нему на костылях. Ему почему-то не давала покоя высказанная накануне мысль – это казалось удивительным, потому что раньше такие вещи его вообще не беспокоили. Теперь в голове у него зародилось сомнение.

– Слушай, ты вот толкуешь: миссия, миссия... А вот не могу понять, на кой черт она нужна?!

– Тут все проще. Все начинается с того, что мы смертны и рано или поздно отправимся в иной мир. Но нам не хочется умирать, согласись.

– Ну, в общем, да... – Лантаров почесал затылок, слова собеседника звучали убедительно. Он просто никогда об этом не думал – смерть в его восприятии существовала в виде какого-то расплывчатого черного пятна, которое находится где-то очень далеко от него, и неизвестно, когда коснется.

– Я думаю, я даже уверен, что ни одно живое существо не приходит в этот мир зря. Каждая клетка пришла сюда учиться и учить. Так вот, – продолжал Шура, прищурился, – то, что умрем, нас тайно или явно беспокоит. Кого больше, кого меньше. Но однажды каждый живущий задает себе вопрос: но если так устроен мир, то зачем, почему я тут? И что останется после меня, кроме кучки праха? И человек все равно взывает о бессмертии, молится о том, чтобы не быть преданным забвению... Из-за этого он начинает делать что-то осмысленно серьезное. Строить города, создавать уникальные архитектурные формы, открывать школы, больницы, учить, лечить, заниматься наукой, писать картины, музыку, книги... Да мало ли форм?!

Последние слова Шура говорил проникновенно, почти страстно, и Лантаров даже решил, что впервые видит его таким взволнованным. Ему показалось, что этот человек перед ним, простой мужик с большими узловатыми, мозолистыми руками, говорит так, потому что пережил нечто страшное.

– И... – тут Шура загнулся и, как он обычно делал, когда набегала тень волнения, с силой сдвинул одной ладонью другую у себя перед грудью, – и это мужество действовать и творить, несмотря на осознание кратковременности существования, и есть миссия. Направление вторично, главное, чтобы оно было созидательное и наполненное любовью.

– Ну, я если я попросту не знаю, какая миссия может быть моей. Тогда как?

– Очень просто. Это нормально, потому что через это подавляющее большинство людей проходят. Может быть, только святые знают свою миссию с самого начала, да и то я в этом не уверен. – Шура добродушно усмехнулся, он опять обрел утерянную на одно мгновение невозмутимость и стал толстокожим, как бегемот в африканской саванне. – Ищут многие, и когда человек начинает искать миссию, это означает, что он уже начал меняться, что уже он иной, чем прежде. Так что получай знания, читай, впитывай, смотри внимательно вокруг. Но главное – думай, размышляй. Если всерьез задумаешься над миссией – ее осознание обязательно придет. Причем не так важно когда. Придет вовремя. Когда созреешь...

Шура откинул плечи, а затем глубоко вздохнул, посмотрев вдаль, за косматые макушки сосен за домом. Он будто колебался, не добавить ли еще чего-нибудь.

– И еще, знаешь, вот что. – Он посмотрел в глаза своему молодому другу, и Лантаров увидел в них внезапно налетевшую тень печали. – Не стоит, нельзя роптать и сомневаться. Понимание истинной миссии может измениться в процессе жизни. У меня было именно так. Мое понимание вызревало слишком долго, но все-таки это произошло. После осознания подлинных ценностей. Я свою миссию осознал только после сорока лет, но главным считаю то, что она вообще появилась в моей жизни. И она появилась, как спасение. Как избавление от боли и страдания в виде тяжелой болезни. Так, что, считай, что я в твоей шкуре побывал. Но с тех пор я зажил счастливо.

– Вот как... – только и произнес Лантаров.

А Шура вышел из дома и побрел к машине; и по его склоненной в раздумье голове, по скатившимся плечам и еще многим другим неуловимым признакам Лантаров понял, что признание это далось лесному жителю нелегко.

Действительно, сложнее всего Лантарову было справиться с тем, что Шура называл позитивным мышлением и воспитанием целостного мировоззрения. Фактически речь шла не просто о коррекции отношения к мирозданию, но о контрреволюции в голове, переходу к иному взаимоотношению со всей окружающей средой. Этот беглец от цивилизации все время повторял, что это не его система, не набор средств для реабилитации больных, но просто образ жизни, ведущий к гармонии и равновесию между окружающей средой, человеческим телом, его разумом и его духом. «Кирюша, это мышление, позволяющее расчехлить сознание. Так мудрые люди жили всегда. Я – не новатор. Планета сейчас трещит по швам, и оттого число возвращенцев к природе выросло до невообразимых масштабов», – как-то заявил он, разъясняя одну из своих запутанных идей. Лантарову нравилось, что с ним возятся, ему импонировала причастность к какому-то небывалому эксперименту, как минимум, отвлекающему от боли и непреодолимого одиночества. Но более всего подкупала его откровенность Шуры – ее природу, как, впрочем, и саму идею своего пребывания подле него – он понять не мог, как ни силился.

Когда же Шура невзначай сообщил, что живет тут уже больше пяти лет, у Лантарова челюсть отвисла от изумления. Было воскресенье, и Шура затеял воскресить камин, который был совмещен с печкой и закрыт заслонкой. На улице было особенно холодно, и половинка набирающей силы луны, будто сточенная надфилем, висела над лесом так близко, что, казалось, ее можно было коснуться рукой, если открыть окно и приставить к стене деревьев лестницу.

– И тебе не было скучно?! – воскликнул он, когда на дубовых поленьях затанцевали огоньки. Шура, набросив несколько одеял на грубый стул, соорудил ему уютное кресло.

– Нет, – улыбнулся Шура, – напротив, только тут я обрел подлинный смысл жизни, который раньше смутно искал и не находил среди людей. Я и раньше чувствовал, что задыхаюсь в городе. Наша цивилизация, впопыхах слепленная из титана, пластика и стекла, только на первый взгляд кажется уютной. Но ее тотальная зависимость от технологий и фатальная оторванность от природы предопределила вырождение самого человека. Многие ученые всерьез говорят уже о распаде генома. Не задумывался, почему появилось так много учений о здоровом образе жизни, невероятное количество духовных книг и предостерегающих пророчеств?

– Не-ет, – продолжал удивляться Лантаров, – я вообще никаких таких течений никогда не встречал и даже не слышал о них. Ну а книги я последние годы читал все реже – они навевали на меня тоску.

Шура понимающе повел подбородком.

– Значит, ты должен благодарить Творца за свою аварию. Не обижайся, но таких считают живущими в невежестве, независимо от полученного образования. Можно окончить Сорбонну или Гарвардский университет, заработать миллионы, но так и не понять смысл бытия.

– Да ну! – решительно отмахнулся Лантаров и подумал: «Во всем, ну во всем ищет пользу и благо! А ведь попросту заговаривает сам себя. Еще в больнице меня этим изводил».

– Да-да, а у тебя появился шанс познать такие вещи, которые раньше пролетали мимо, – убежденно заметил Шура, вдруг положив руку Лантарову на плечо и сделав это так бережно, будто боялся причинить боль его больному телу. Тотчас парень ощутил истовый, прожигающий жар от его ладони, такой же сильный, как у пламени реального огня в камине.

Лантаров промолчал, глядя на краснеющие древесные угли, дарящие тепло и загадочные блики, – впервые возник момент, когда ему стало уютно и беспричинно радостно на душе. Он заметил какое-то неожиданное сходство Шуры с отцом, в котором тоже присутствовало много сумасбродных идей. Он вспомнил, как отец порой так же наставительно, хотя и без упорства,

говорил о вещах, которые он откровенно высмеивал. «Да, в них обоих предостаточно сумасшествия. Это мимо них пролетало много, а не мимо меня», – подумал он, но без неприязни, а с какой-то нежностью, и тоска стала разливаться в его груди. Внезапно на ум пришли наполненные угаром душевных потрясений есенинские строки: «Кто любил, уж тот любить не может. Кто горел, того не подожжешь». О ком это, о нем? Да, он много горел, много испытал. Но любил ли? Вряд ли... Может, это и имеет в виду Шура?

– Мир одной ногой попал в смертельный, уничтожающий его водоворот. – Шура продолжал говорить будто самому себе, глядя куда-то в глубины огня и как бы размышляя вслух. Он убрал руку с плеча молодого друга, облокотился на спинку деревянного стула и после глубокого вздоха продолжил: – Наркомания, беспринципность и презрение человеческих ценностей, алкоголизм, неприкрытый разврат, безнаказанный разгул агрессии – почти все это уже было пройдено, только в несколько иной форме. Подобно Римской империи, все это падет – скоро. А аватары, пророки приходят с миссией спасения, и так было всегда. Только сейчас все гораздо сложнее – технологии тащат за собой практически всю цивилизацию...

– И что, все погибнет от ядерного взрыва или третьей мировой войны? – Лантаров спросил без вызова, но с неподдельным интересом; ему было и странно, и любопытно слушать, что думает о внешнем мире человек, который сам почти не взаимодействует с ним.

– Нет, – как-то жестко и даже жестоко проговорил Шура, и Лантаров в свете живого пламени увидел, как заиграли на его скулах желваки. – Все решится гораздо проще – в ходе тихой всеобщей пандемии. И как всегда, медицина окажется бессильной, потому что будет биться над поиском лечения болезни, а не вникать в ее причины. Но это не будет Всемирный потоп или внезапное уничтожение друг друга в глобальной войне. Будет великая, всепланетарная чистка, какой еще не знала планета. Сначала люди, способные думать, массово побегут из больших городов, потому что жить там станет невозможно – техногенные катастрофы, природные катаклизмы, безудержный терроризм и эпидемии неизвестных болезней будут душировать массы, подобно нервнопаралитическому газу. Низменные, грубые вибрации обывателей давно охватили плотными кольцами города – там скоро станет почти невозможно выжить развитому духу. Затем группы наиболее мудрых единомышленников, сопровождаемых аватарами, будут организовывать новые формы жизни на почтительном удалении от ставшей опасной цивилизации – они-то и обратят оставшихся в живых в новую веру или, вернее, вернут к старым, давно забытым знаниям. И только тогда будет преодолена планетарная карма и мир выйдет из вселенского цикла невежества...

Лантарову, который слушал наставника, затаив дыхание, стало жутко от предсказаний – теперь Шура походил на волхва, которому только и не доставало, что посоха да бороды до колен. В этот момент огонь, атаковав недавно подброшенные поленья, стал живо разрастаться, будто был отдельным живым организмом, жарким ненасытным демоном.

– Смотри... Как пламя захватывает дерево... Просто заглатывает и затем медленно пережевывает. Как сама смерть... – Разомлев у огня, Лантаров завороченно смотрел на безнадежную борьбу томящегося в огне, потрескивающего от пыток пламени некогда могучего дерева. Он говорил сам себе, едва ли не впервые подумав, что все обречено на умирание. Шура нагнал на него облако философии. Он повернулся к умолкшему собеседнику, будто ища у него поддержки, по его молодому, бледному от болезни лицу металась огненные блики. – Шура, неужели тебе тут не было одиноко и... страшно? И не являлись мысли об обреченности всего?

Шура ответил не сразу. Он взял кочергу и пошевелил угли. Искры радостно посыпались в разные стороны, заигрывая с человеком и предлагая ему нескончаемый гейм искушения.

– Были, конечно. Тут, в этом доме, я умирал и выживал. Не один раз.

У Лантарова возникло мимолетное чувство, что сейчас именно тот случай, когда можно прояснить нечто важное.

– Шура, зачем я тебе нужен? – спросил он вдруг. – Зачем ты взялся меня выхаживать?

Одинокий волк некоторое время хранил молчание. Затем тихо начал говорить:

– Я притащил тебя сюда, чтобы вынудить тебя слышать собственный голос и научить слушаться его. Природа обладает колоссальной регенерирующей силой, она одна, если только ей не мешать, способна поставить тебя на ноги. Мне показалось, что ты хотел этого, что в тебе есть желание жить наполненно. Считай, что это моя миссия, ну, у каждого в голове свои букашки. Договорились? Одно могу пообещать: хуже, чем в больнице, тебе не будет.

Лантаров, мрачно нахмурившись, промолчал, и хозяин загадочного лесного дома принял это как согласие.

– Но ты взял меня к себе, как берут собачку, чтобы приручить и научить служить по-особому. В твоём случае это означает – приобщить к своей вере. Ведь так?! Но ты не угадал! Я не смогу, да и не собираюсь становиться таким, как ты.

Шура пожал плечами, как бы говоря: «Как хочешь, это твоё право и твой выбор». Затем он отвел их назад, точно готовился выполнить какое-то гимнастическое упражнение. И уже потом тихо, отчего его низкий голос стал приглушённым, промолвил:

– Тот, кто берет собачку, становится её хозяином. У меня же – все наоборот. Я сам пошел в услужение. А это – совсем другое дело.

– Ну тогда объясни мне такую вещь: почему ты выбрал именно меня и почему именно в этот момент?

Молодой человек стал требовательным и нетерпеливым – в нём росло ощущение обманутого или, по меньшей мере, втянутого в игру, с правилами которой его не потрудились ознакомить.

– Тут нет никакого особенного секрета, как нет и мистики. Просто в этот момент я принял собственное решение.

– То есть, если бы ты не увидел в больнице меня, то взял бы кого-то другого?

Лантарова больно кольнула мысль, что исключительность их знакомства и дружбы была всего лишь следствием Шурино эксперимента.

– Не знаю. И да, и нет, – немного неуверенно ответил Шура и, внезапно посуровев, сжал зубы.

– Как это? – Лантаров чувствовал, как в нём закипает злоба. Он стал тяжело дышать.

– Это значит, что я выбрал не просто кого-то, но наиболее достойного человека. Личность, способную измениться, чтобы ответственно нести дальше те особые знания, которые я намерен передать.

– А если мне не надо твоих сраных знаний?! – с вызовом завопил Лантаров. Он был похож на ребенка, которому в магазине купили не ту игрушку, и уже чувствовал себя заведенным настолько, что не мог остановиться, подобно плюшевому ослику, отчаянно танцующему, пока не разожмет окончательно пружина заводного устройства.

– Ну, тогда уходи. – Лантарова наповал убила невозмутимость и нечеловеческое хладнокровие Шуры. Только его глаза с сужившимися зрачками стали излучать едва ощутимый холод – такое леденящее бесстрашие человек ощущает, когда входит в стерильную операционную. – Я готов отвезти тебя в любой момент – куда ты хочешь.

Именно это бесстрашие и непривычное, неожиданное отсутствие эмоций мгновенно остудили пыл Лантарова, и до него стал доходить и смысл сказанного хозяином лесной обители. Юноша понял, что зашел слишком далеко, и тут же пошел на попятную.

– Но все-таки объясни, почему решение пришло именно тогда, когда мы познакомились? Мне это важно, чтобы понять, что я – не подопытный кролик, а определяющими были именно наши человеческие взаимоотношения. Я ведь поверил тебе, как другу. – К концу предложения Лантаров окончательно стих, и его слова теперь звучали просительно и взволнованно. Он превратился опять в того несчастного ребенка, которого недолюбили и недоласкали в детстве,

которого слишком часто бросали наедине с собой, превратив в нервное, беспокойное и черствое существо. И он видел, что Шура прекрасно понимает, что именно с ним происходит.

– Да, есть еще одна сопутствующая причина. – Шура говорил так же тихо и спокойно, как и прежде, только голос его стал несколько приглушенным и напряженным, а ладони его плотно сцепились и сжались, точно руки боролись друг с другом. А Лантаров тоже интуитивно напрягся всем телом и поддался вперед. – Дело в том, что именно в период, когда я находился в больнице и стал вставать на костыли, я договорился о проведении тестирования в онкологическом диспансере – он там рядом находится. Договорился с врачом, чтобы никто не знал... И прошел... Так вот, моя опухоль полностью исчезла... И это меня потрясло, это было для меня подобно небесной вспышке. Озарением. Первая мысль у меня явилась: но ведь не случайно опухоль исчезла, это знак свыше, что мне точно даровано продолжение жизни для чего-то более важного, чем способность исцелить себя. Но если так, то зачем? Для чего? И тогда я подумал: может, для того, чтобы результаты моей собственной борьбы кому-тогодились и не канули в Лету? Это был импульс к началу служения, вот что.

Только в конце, когда монолог Шуры стал прерывистым, Лантаров заметил, что говоривший сильно взволнован. «Так вот оно что! Ему не хотелось раскрыться предо мною». – Лантаров только теперь понял, что для Шуры все это так же важно, как и для него. Но он все равно никак не мог понять, почему именно на него пал этот судьбоносный выбор.

– Слушай, я ничего не понимаю. Какая опухоль, о чем ты говоришь? И при чем тут онкодиспансер?

– Я тебе уже говорил однажды, что в свое время у меня была болезнь, которую врачи посчитали неизлечимой. Рак. – Шура помедлил, подбирая слова. Он олицетворял саму невозмутимость, только зачем-то взял в это время один из больших военных ножей и стал поглаживать его холодное, изогнутое, холеное лезвие. – Мне удалось его победить, и я до обследования в больнице был уверен, что просто заглушил болезнь. Подавил на некоторое время. А тут – мистика! Опухоль была и исчезла. Зачем-то это произошло! Для чего-то мне открылся шлюз новой жизни! Вот тогда-то я принял решение, что путь, который я прошел, не должен стереться, исчезнуть. Должны быть и другие звенья этой чудесной цепи, продолжение в виде других спасенных жизней, здоровья. Идей. И тут – встреча с тобой. Дальше ты знаешь.

Лантаров был окончательно сбит с толку.

– Шура, но почему не врачи? Почему не рассказать об этом врачам? Почему я, который сам ничего не умею и не знаю?

Шура пожал плечами.

– Врачам это ни к чему. Кроме того, медицина пичкает больных таблетками – безумной отравой, которую люди добровольно суют себе в рот, не понимая тлетворных последствий.

– Но разве таблетки не облегчают участь тяжелобольных, не устраняют боль? – Глаза Лантарова округлились. – И разве врачи не спасают жизни после несчастных случаев? Как в моем случае, например?

– Все это верно. Но я говорю о глобальной миссии медицины. Она не принимает древней мудрости – у нее несварение информации. Почему? Потому что это противоречит многому тому, чему их учили годами. И мои идеи будут мешать коммерции, нанесут удар фармакологии – весь мир ведь упорно работает на таблетки и затем травится ими. Но дело не только в этом. Дело в генеральном принципе: медицина лечит болезнь, а исцелять следует организм. А затем у нас с тобой завязалась дружба. И я подумал: может, это тоже знак свыше? Ведь мы не могли встретиться случайно, правда? Судьба множество раз посылает нам знаки, дает шансы, но мы чаще отказываемся от выбора из неверия или слабости. Вот я и решил. Так что извини, дорогой. Если завтра скажешь, что хочешь уехать, я тебя отвезу... А теперь давай спать.

И с этими словами Шура решительно встал, водрузил нож на прежнее место и, не оставив собеседнику возможности возразить, побрел к своей кровати.

«Ты думаешь, что меня, человека, прожившего всю жизнь в городе, привыкшего к развлечениям, наслаждениям, легкой и непринужденной трате денег, к доступным телкам и разнузданному сексу, к отравленной, как ты говоришь, пище, да и к лени, чего уж тут красоваться, так вот, что такого меня можно переделать за месяц жизни в лесной избушке, на отшибе цивилизации?» – Лантаров хотел крикнуть эти слова вдогонку уходившему. Но почему-то промолчал.

Глава вторая

Дневник недоволенного героя

1

После неизменной утренней практики с пяти до семи часов, получасового совместного занятия, к которому Лантаров стал постепенно привыкать, и обязательного обливания на морозе Шура уехал по делам. Лантаров некоторое время слонялся по дому, от безделья задевал кота, пока он не схоронился глубоко под кроватью на недостижимом для человека островке пространства. Наконец глаза его случайно нащупали на рабочем столе две толстые тетради, аккуратно и ровно выложенные одна на другой. Они бросались в глаза на фоне многочисленных книг, все с той же рабочей небрежностью разложенных на столе. Раньше он никогда не видел этих тетрадей – замусоленных и одновременно оберегаемых. Лантарова одолело любопытство, и он подобрался на костылях к тетрадям. На верхней были загнуты лоснившиеся от частых прикосновений обложка и листы, а корешок был плотно оклеен липкой лентой, какую используют для ящиков в магазинах электроники. В верхней части обложки расплылось жирное пятно неизвестного происхождения размером с пятикопеечную монету. «Черт возьми, вот это находка!» – воскликнул Лантаров, когда увидел надпись черным фломастером «Дневник Шуры Мазуренко. Опыт освобождения».

Немного помедлив и повертев в руках первую тетрадь, он открыл. Вступление его ошарашило.

«Я... убил человека. Нет, не так! Ведь человека я убивал и раньше. Просто раньше я убивал по приказу – то были так называемые враги, клыкастые, когтистые, способные на все. За их убийство я получал награды и зарабатывал непререкаемый авторитет в глазах тех, кто меня посылал убивать. И еще – истое благоговение и безоговорочное благословение со стороны всех тех, кто знал о моих деяниях. А однажды за особо яростную резню я даже получил необычайно ценную отметину великой страны – Орден. Не только сослуживцы, но все, кто слышали обо мне, неподдельно восхищались той нашумевшей историей, названной впоследствии подвигом. Да что там окружающие, все так называемое общество считало меня героем, гордилось мною. И я сам, глядя в зеркало на великолепную Красную Звезду, умилялся собой... А теперь все перевернулось с ног на голову. Теперь же я убил человека, не врага. Убил сам, без приказа, без команды, даже без явного намерения убить. Но я все-таки убил, и отныне я не герой, а просто убийца...»

Я запомнил жуткий шок безумия, когда застыл в когтях нелепого случая, стал жертвой непредвиденного заговора судьбы. В одно мгновение героя не стало! Он испарился. В момент, когда остановилось сердце лейтенанта Андрея Тюрина, умерли сразу два человека: убитый и убийца. Самое страшное, что я совершенно отчетливо это осознал, уяснил в тот самый миг, когда чей-то холодный, потусторонний голос мрачно, тоном третейского судьи произнес, как пожизненный приговор мне: «Да он мертв...» Наступило ужасное оцепенение, кладбищенская тишина, разрывающая мозг на части, окутала все. Все вокруг похолодело и застыло, расступившиеся люди двигались в дымке, как в замедленной съемке немого фильма, и ничего, абсолютно ничего не было слышно. Меня сковал леденящий ужас, тиски проникшего внутрь оружия для пыток неумолимо сжали сердце, в лицо подул порывистый, тревожный, холодный, колючий ветер, неся запах ядовитого болота, и призрачная могильная тень медленно опустилась, накрыла меня навсегда. Я смотрел в пустоту, отчего-то видел перед собой укоризненный

взгляд шахтера-отца, свято верившего, что я стану героем. Но на месте сверхчеловека, на месте непобедимого бойца уже стоял с поникшей головой жалкий преступник. Я задыхался, захлебывался в собственной злобе и бессилии, но уже ничего не мог изменить. Меня не покидало ощущение, что я долго и старательно снимал фотоаппаратом неопровержимые доказательства своего героизма, но кто-то вероломно засветил пленку...

На этом можно было бы поставить точку... Но... Ведь ничто не заставляет нас так лихорадочно искать истину, как осознание конечности любого жизненного проекта. И понимание быстротечности своего пути заставляет душу корчиться от судорожного желания исполнить то, что в каждом заложено свыше, некую миссию, дарующую спокойное принятие неизбежного как зеркальное отражение совершенного, позволяющего заявить на Высшем суде: «Мое пребывание тут было не зря, я все-таки что-то успел, что-то оставил после себя». Потому-то суровый голос внутреннего разума настойчиво кричал мне изнутри: «Почему так случилось?! Разве так бывает, чтобы еще вчера ты был настоящим героем, а уже сегодня – презренным изгоем общества?!» Я поклялся разобраться, бесстрастно, без стыда и смущения выстроить свою жизненную монограмму, чтобы ответить только на один вопрос: что нужно сделать, чтобы получить право исполнить высшую волю?»

«Ого, – подумал Лантаров, прочитав вступление, – не все так просто в лесном конклаве, как я предполагал. А у него, оказывается, есть тайна. Есть грех и порок, похлеще, чем у обычного человека». И поглощенный желанием узнать о хозяине лесного дома как можно больше, читатель перевернул несколько пустых страничек.

«С самых первых дней, когда явилось понимание, что запальчиво играющий в войну мальчик с грязными по локоть руками и вечными ссадинами на коленках это и есть я, во мне отчаянно боролись две равноценные силы. Одна была светлая, мягкая и нежная, похожая на любовь. Я отчетливо ощущал ее в трогательных прикосновениях матери, в хрупкой и трепетной, как пламя свечи, жизни жмущегося к человеческому теплу котенка и даже в живом цветке на грядке или в яблоке. Но присутствовала и вторая сила, противоположная, отчего-то возбуждающая больше первой. Впервые я уловил ее еще беспомощным ребенком – в редких, но жестоких всплесках ярости отца, которые начинали меня порохом насилия, напряженности и враждебности. В глубоко упрятанной коробочке бессознательного, в тайнике маленького мальчика осталось острое впечатление, что именно так должен поступать настоящий мужчина, когда ему особенно тяжело.

Эти ощущения неожиданно выросли, угрожая вытоптать ростки любви. Случайно подсмотренная кровавая сцена дерущихся хмельных парней оставила во мне неизгладимый отпечаток приторной сладости варварства. Мы, возвращающиеся домой второклассники, окаменели, не в силах убежать, и в моей голове тут же отпечатался с беспощадной точностью снимок адской сцены. Стоящий на четвереньках человек, у которого вместо рта было кровавое отверстие; из него обильно сочилась красно-желтая пенящаяся субстанция, очень похожая на грязноватую пену морской волны, когда она исчезает в песке. Помертвелые, ничего не выражающие глаза, как потухшие матовые лампочки. Двое атакующих с лютыми воплями били его ногами, попадая в живот и в грудь, тогда как третий с совершенно озверевшим взглядом схватил поверженного рукою за чуб и, заглядывая в его помутневшие глаза, что-то выкрикивал. Победоносное рычание дикаря, улюлюканье людоеда, надрывное мычание жертвы – это отдавалось в сердце и засело там навсегда радиоактивным осадком.

Способность понимать происходящее вернулась в тот день лишь дома. Я тяжело дышал и дрожал, как будто это меня били и хватили за чуб. Но удивительное дело, кроме страха во мне проснулось еще какое-то смутное чувство, ощущение жуткого сладострастия, которому я не мог дать объяснение и которое почему-то жило внутри, помимо моего желания. Оно родилось

из появившегося неосознанного желания смотреть на безумное сплетение сильных людских страстей, наслаждаться бесчинством, болью одного и силой другого. Напуганный и придавленный картиной насилия, я трепетал перед страшным открытием – во мне отчетливо проснулась жгучая жажда силы. Помимо воли, детское воображение много раз переносило меня на место побоища, и я жаждал растерзать нападавших, как лютей зверь разрывает клыками свою добычу.

Сотрясения растревоженной души вскоре успокоились, но что-то от загнанного зверька все-таки осталось внутри меня, продолжая жить отдельной жизнью, как будто задремав до поры до времени. И маленький юркий и, как оказалось, смелый зверек не заставил себя долго ждать. Как-то в классе я повздорил с крепким озорным мальчишкой. Напористый и злой, он ухватил меня за грудки, причем пуговицы на рубашке мгновенно выпорхнули, я был близок к позорному фиаско. Как вдруг изворотливый и находчивый зверек, спящий внутри меня, спохватился. Повинуясь ему, я ухватил горшок с растением на подоконнике и опустил его на голову обидчика. Тот, схватившись за голову, перепачканную землей и густой багряной кровью, орал так, словно умирал. У меня подкашивались колени, но потом первоначальное состояние оцепенения, придававшее мне схожесть с железным дровосеком с проржавевшими конечностями из сказки об Урфине Джусе, постепенно сменилось приливом нового, неведомого ранее ощущения – тайного ликования и гордости за свое превосходство».

Чтение захватило Лантарова целиком. В первый момент он ужаснулся, что делит крышу с преступником и убийцей. Но тут же возникло устойчивое ощущение, что Шура, которого он знает, и Шура, о котором он сейчас читал, два совершенно разных человека.

2

Лантаров взглянул на настенные часы – они показывали половину одиннадцатого. Несколько часов в запасе у него было. Он устроился поудобнее на своем жестком лежаке – так, чтобы тело находилось в полулежачем и наименее болезненном положении. Он стал читать дальше, все больше увлекаясь откровениями своего нового друга.

«Борьба светлых и темных сил внутри меня обострилась, когда внезапно нарушился их баланс. Мой отец, простодушный и выносливый трудяга, безропотно тянул лямку на одной из тех украинских шахт, где часто погибают в завалах или от подземных взрывов скопившихся газов. Но, выработав привычку к опасности, мой неутомимый родитель получил удар с другой стороны: в один ничем не примечательный день он принес из больницы тот роковой рентгеновский снимок, на котором на месте одного легкого было темное пятно. Я навсегда запомнил его печальные, смиренные глаза, затянутые пеленой безнадежности, и еще впервые веревками повисшие, беспомощные руки – как у загнанного животного, уже знающего свою судьбу. Через месяц отца не стало – типичная история для жителей нашего маленького шахтерского городка. В один миг я простил ему все: и вспышки беспричинной злобы, и деланую небрежность по отношению ко мне, и нарочитую мрачность репрессированного олимпийца, так и не получившего награды.

Кроме могилы отца со скромным железным крестом, нас больше ничто не держало в том забытом Богом месте, и мать решила начать жизнь с чистого листа. «Ты родился, чтобы стать героем, у тебя получится», – часто твердил мне отец перед смертью, подобно тому, как повторяют мантры. И я верил ему, не понимая, почему родители перекладывают на плечи детей свои нереализованные идеи. В школьном дневнике, под шершавой коричневой обложкой, у меня была спрятана тайно вырванная из книги в школьной библиотеке картинка с изображением Спартака на гладиаторской арене. Сверкающее лезвие его короткого меча, устрашающие

бугорки мускулов и особенно его одержимый, пылающий холодным огнем взгляд победителя долгое время вдохновляли меня на ежедневную борьбу с собой. Я решил, что сначала закалю тело, а дальше время подскажет мне, куда направить энергию...

Мы переехали в городок на Днестре, где, отчаянно борясь с возрастом, упорствовала дряхлая, скрученная, как коровий рог, бабушка. Родная тетка мамы была ровесницей тех событий, которые я изучал по школьным учебникам. Одинокая, ворчливая, полуслепая, она все же была рада нашему присутствию, потому что уже едва справлялась с тем, чтобы обслужить саму себя. Помню, она жила, объятая мучительными страхами: она панически боялась потерять очки, была уверена, что соседи вокруг подслушивают нас, и пророчила наступление жуткого голода. Но ее страхам не суждено было обрести черты реальности, и даже очки мы вскоре уложили в пластиковом футляре рядом с нею в гробу, обитом темной, наводящей мрачные мысли тканью.

Кременчуг, или Кремень, как мы ласково звали его между собой, был феноменом провинциального развития. В самом деле, если сиянием сочной зелени, новыми возможностями и тишиной летних ночей с ним могла бы сравниться Полтава, то существовало много такого, что ставило Кремень вне конкуренции со своим областным центром, да и со многими другими тоже. В мое сознание он вошел как город-светлячок. В нем не чувствовалось чарующей ауры старины, зато повсюду витал свежий запах индустриальной юности, необъятной новизны и невиданной эластичности. Я, впервые увидевший большую реку, подолгу зачарованно следил, как на переливчатой спине Днестра скользят бесчисленные лодки, стремительные байдарки, верткие каноэ. Но больше всего меня восхищала купающаяся в лучах солнца и брызгах воды железная колесница советского времени – метеор на подводных крыльях. Она излучала совершенство и надежду, и, глядя на нее, я представлял себя совершающим какой-нибудь отважный поступок. Песчаные пляжи, острова с непроходимыми зарослями и туземными тропами дарили свою неповторимую экзотику – с азартом авантюрных вылазок за рыбой, ночными посиделками у костра где-нибудь на почти необитаемом острове, и еще многое такое, что казалось подлинным чудом для угнетенного шахтерской перспективой подростка. А еще этот оазис славился богатством, будто Господняя благодать снизошла на него однажды. Нефтеперерабатывающий и вагоностроительный заводы, пивоварня, конвейер по сборке многоколесных исполинов «КрАЗов» создавали впечатление вальяжности и широты жизни. Когда тщательно заглушаемая в те времена радиостанция «Свобода» назвала Кременчуг «маленьким зеленым местом войовничих хлопчаків та дівчат легкої поведінки», я в свои пятнадцать лет испытал неопишемую щемящую гордость.

Впервые «район на район», Автозаводской против Крюковского, мы сошлись в просторном Приднепровском парке. Нам мерещилось, будто в кулачном пафосе содержится что-то былинное, влекущий трубный зов войны, притягательный запах героизма. Первый блин, как водится, вышел комом; еще не началась драка, как повсюду послышались отчаянные вопли: «Шухер! Менты!» Но от неумолимой жажды адреналина нас трясло как в лихорадке. Потому не случайно на импровизированных переговорах лидеров группировок возникло единогласное решение: в обстановке строгой секретности переправиться на один из близлежащих островов.

В назначенный день с самого утра группы крепких подростков стали осаждать «лапоть» – ржавый, но бодрый еще паром, похожий на сельскую тягловую клячу. Но крюковских, которым на помощь пришли еще и раковские ребята, неожиданно набралось в несколько раз больше наших. Непримиемые полководцы постановили: драться десять на десять. «Все равно не выпустят, – с ожесточением шептали более опытные бойцы, – начнем против десяти, а закончим против пятидесяти».

Я отчетливо запомнил сжимающееся кольцо и горящие нечеловеческим огнем глаза, словно у стаи голодных волков, ведущих неотступную осаду крупной жертвы. Даже простое воспоминание о том дне заставляет закипать кровь в жилах, но тогда она, наоборот, стыла так, как если бы тело обложили льдом. Как только они двинулись, я ясно ощутил тот пещерный

запах, забытый со времен каменного века, и радостно пробуждаемый снова. Запах насилия и разрушений, самый близкий к величайшему таинству бытия – смерти.

– Мочи Бурого и Койота! Вырубай их! – донеслись до моих ушей инструкции со стороны противника. Я даже не сразу понял, что речь-то о Петьке Завиулине, которого за необычайную дерзость и взрывчатость прозвали Бурым, и обо мне, к которому почему-то пристегнули зубастое прозвище Койот.

Они ринулись все вместе, сопровождая атаку дикарским улюлюканьем, то ли пытаюсь устрашить нас, то ли придать смелости себе. Помню, как передо мною возникла долговязая узкоплечая фигура с длинными руками и перекошенным от азарта лицом. Даже не думая, действуя по наитию, я оценил возможности его рук и потому выбросил в прямом, незамысловатом ударе ногу навстречу ему. Несильный, даже, пожалуй, слабый удар заставил его согнуться, и я успел удивить его заостренную угловатую скулу вполне достойным отпечатком кулака. Ах, это было чудесное ощущение: когда кто-то повержен твоей рукой, ты сам, будто взлетаешь и поднимаешься в облака! Руки нападающего беспорядочно взметнулись вверх, как у канатоходца, потерявшего равновесие, и он отправился по непредсказуемой траектории. Но я не успел насладиться его падением. Потому что сочный удар в ухо откуда-то сбоку вернул меня в общую реальность, представляющую собой кипящий с живыми грешниками котел и множество скалящихся чертей-наблюдателей вокруг. Даже не пытаюсь отразить атаку невидимого бойца, я интуитивно переметнулся в противоположную сторону – ведь и простое увеличение дистанции должно было уберечь меня от продолжения атаки и фатального падения. Упасть нельзя было ни в коем случае. Падение – гибель, это я помнил хорошо, двигаясь и мотая головой с пылающим ухом. Интуиция меня не подвела. Не слишком ловкий удар пробудил множество ранее неведомых ощущений, желания терзать, кусаться, рвать. Я вдруг почувствовал себя тем первобытным существом, которое выслеживало с каменным топором мамонта, это ощущение за мгновение выросло, обострилось до невыносимого, блаженного ощущения всемогущества. Может быть, потому, что удар на время выключил звук, как если бы кто-то щелкнул переключателем, на доли секунды в голове осталось смутное гудение, непостижимое эхо от очень далекого удара по колоколу. Я будто остался совсем один во всем мире, и драка пропала с поля зрения. В этом странном, хаотичном месиве тел я видел себя в каком-то замедленном движении, сталкивающимся с кем-то, бьющим, получающим удары в ответ. Тот, кто жил во мне, радостно выскочил, визжа от освобождения. И уже я сам превратился в зверя, подлого и дикого, преисполненного желания пустить кровь. Не важно кому, лишь бы ощутить блаженный запах крови. Объятый пламенем борьбы, я жадно пожирал глазами кровь на разбитых вдребезги носах и губах, вожделенно впитывал ее запах, великолепный, беспредельный, как сама бушующая стихия.

– Эй, Зуб, Койота мочи! – донесся до меня отчаянный голос, и звук таинственным образом включился.

И тут – это определенно был знак судьбы – я наткнулся на плотно сбитого, коренастого парня с прямым боксерским носом, ястребиным взглядом и нечеловеческим оскалом. Этого не спутаешь ни с кем – золотая коронка выдавала жоака крюковских. Зуб, тяжелый, как буйвол, прочно стоящий на ногах, предвкушал радость схватки. От его убедительно сжатых кулаков исходила опасность непримиримого хищника. Если попадет, свалит, как ребенка. Это я, скорее, не подумал, – подсознание мгновенно и четко вывело наружу давно известную мне истину. А я его даже двумя или тремя ударами по матерой морде с крокодильими клыками не свалю. Это тоже была не мысль, а короткое, длиной в сотую секунды, прояснение. И тогда в пылу драки я, в тот момент загнанный дикарь, больше движимый страхом, ведомый инстинктом самосохранения, подстегиваемый всеобщим рычанием и клокочущей кровью, решил на то, что, возможно, никогда не сделал бы в схватке один на один. А именно, я с ходу сделал ему крепкий тычок ногой в пах. От неожиданности и острой боли грозный противник взревел

и стал медленно оседать. Воспользовавшись моментом, я нанес ему два основательных удара по его крупному носу, который почему-то раздражал меня больше всего на свете. Оттуда, как из крана, хлынула кровь. Но он даже не покачнулся и падать не собирался. Зрачки детины увеличились вдвое, толстые губы искривились в непостижимой, устрашающей гримасе. Что-то во мне дрогнуло в тот миг, и я уже собирался бежать, как вдруг ослепительная вспышка боли в глазах и в затылочной части головы, яркая, как молния, пронзила мое сознание, как будто голову мою проткнули копьем. И уже в следующее мгновение мое сознание оторвалось от меня и перестало существовать. Наступила вязкая, сладковатая, приторная тьма, временами сменяющаяся клубами плотного серого тумана.

Я очнулся почти бесчувственным, лежа на спине, и скованным так, как если бы кто-то крепко стянул мое тело смирительной рубашкой, а голову железным обручем. Открыл глаза и увидел прямо над собой огненный, совсем без лучей, шар солнца. Заключенный в плен плотной дымки облаков, он был бесконечно спокойным и умиротворяющим всякие страсти. И этот приглушенный, удивительно похожий на луну шар напоминал глаз, божественное око, вззирающее с укоризной и осуждением. Немного жмурясь, но все-таки глядя на него, я внезапно подумал: «Зачем я жив, и для чего мне подарено право вновь видеть замечательные проявления жизни? Или, может быть, это просто кто-то наблюдает за мной, дивясь моей беспомощности и глупости?» Я осмелел и попробовал пошевелиться. Это удалось, и с невероятным трудом я повернулся на бок и увидел илистый берег с застоявшейся, качающейся в моих помутневших глазах водой. Во всем теле была такая тяжесть, как будто на мне оторвалось целое семейство диких ос. Голова застряла в непрошибаемой тине тошноты. Помню, как я осторожно поболтал грязной, с ссадинами и застывшими каплями крови рукой в воде, а затем зачерпнул желто-бурую днепровскую воду и немного хлебнул с ладошки. Она была гадкая и кислая на вкус, так что мне пришлось ее выплюнуть, хотя пить хотелось неимоверно. Затем я внезапно увидел Бурого-Завиулина, тоже, как в тумане, бредущего ко мне с разбитым до неузнаваемости лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.